

В ПОИСКАХ ЗОЛОТОГО РУНА

В ПОИСКАХ ЗОЛОТОГО РУНА

ПО МАТЕРИАЛАМ III МЕЖДУНАРОДНОГО РУССКО-ГРУЗИНСКОГО
ПОЭТИЧЕСКОГО ФЕСТИВАЛЯ

ТБИЛИСИ, 2009

Издатель – Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб»

Руководитель проекта *Николай Свентицкий*

Составители *Алена Деняга, Арсен Еремян*

Издание осуществлено при поддержке
Благотворительного фонда «КАРТУ»

© «Русский клуб»

ISBN 978-9941-0-1375-1

www.russianclub.ge

rusculture@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

создан в 2003 году, входит в Международный союз российских соотечественников (Москва). Он объединяет более пяти тысяч людей разных национальностей, которым далеко не безразлично прошлое, настоящее и будущее русско-грузинских отношений. Главная задача «Русского клуба» - всестороннее развитие сотрудничества, дружбы и взаимопонимания между двумя независимыми государствами Россией и Грузией на основе цивилизованных принципов.

Деятельность союза охватывает самые разные сферы жизни и направлена на поддержание, укрепление и развитие взаимосвязей двух стран в области культуры, искусства, образования, науки, спорта, туризма. Одна из целей – содействие в становлении гражданского общества, утверждение принципа социальной справедливости, включающей необходимость равноправия представителей разных национальностей, проживающих в Грузии, взаимного уважения их интересов и ценностей и создания условий для свободного развития национальных языков и культур. «Русский клуб» верит в огромный потенциал народов, проживающих в Грузии, и старается объединить людей с разными взглядами, но общими ценностями, воспитанных на русской культуре, объединить творческую, техническую, гуманитарную интеллигенцию, деятелей науки и культуры, а также представителей всех слоев нашего общества.

Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб» надеется внести свой вклад в укрепление и развитие культурных и общественных взаимоотношений между Россией и Грузией, что будет способствовать улучшению имиджа страны и продолжению многовековых духовных традиций.

РК

Участникам III Международного русско-грузинского
поэтического фестиваля
«В поисках Золотого руна»

От имени Грузинской Православной Церкви и от себя лично примите наши искренние поздравления.

Грузинская Православная Церковь сердечно приветствует всех участников фестиваля на гостеприимной земле благодатной Грузии.

Выражаем уверенность в том, что фестиваль не только сохранит нравственные ценности, но и будет способствовать укреплению духовной близости между нашими братскими народами.

Мы верим, что поэты всегда найдут общий язык. И эта культурная взаимосвязь приумножится и пребудет во веки веков.

Помощь Божия да сопутствует Вам!

С любовью во Христе.

КАТОЛИКОС-ПАТРИАРХ ВСЕЯ ГРУЗИИ ИЛИЯ II

Илия II

Организаторам, участникам и гостям
III Международного русско-грузинского поэтического фестиваля
(Тбилиси-Поти, 20-29 июня 2009 г.)

Дорогие братья и сестры!

Сердечно приветствую всех собравшихся для участия в III Международном русско-грузинском поэтическом фестивале. На протяжении веков наши народы являются добрыми соседями, и даже, более того, - нас связывает искренняя дружба. Но есть то, что еще выше - это Святое Православие. Русский и грузинский народы принадлежат к единой духовной традиции, являются чадами Святой Православной Церкви, братьями и сестрами по вере. Это единство народов во Христе, убежден, превзойдет всякое разделение, окажется сильнее любой ненависти и вражды.

Зримым свидетельством нашей общности является настоящее собрание. Богатейшее поэтическое наследие, бережно хранимое народами, впитало в себя красоту и величие грузинской и русской культур, питаемых от одного корня православной веры. Надеюсь, что вашими трудами эта живая преемственность сохранится и для будущих поколений.

Желаю всем участникам и гостям фестиваля мира и радости, благословенных творческих успехов и неоскудевающей помощи Божией во всяком добром деле.

ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ КИРИЛЛ

+

Свентицкий Николай

Президент Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб». Руководитель издания общественно-художественного журнала «Русский клуб». Директор Тбилисского государственного академического русского драматического театра им. А.С. Грибоедова. Учредитель и официальный представитель Международной федерации русскоязычных писателей (МФРП) в Грузии. Награжден Орденом Ломоносова, Орденом Петра Великого, Орденом «Культурное наследие» МФРП, Почетным знаком «За вклад в укрепление сотрудничества с Россией», медалью В. С. Розова «За вклад в отечественную культуру», а также Дипломом V Всероссийского конкурса премии «Хрустальная роза Виктора Розова» и Дипломом Федерации мира и согласия за активное участие в деле укрепления мира, согласия, сотрудничества и взаимопонимания. Заслуженный деятель искусств России. Кавалер Ордена Дружбы.

Дорогие друзья!

В этом году в Грузии уже третий раз подряд проводился Международный русско-грузинский поэтический фестиваль. Проходил он на берегу Черного моря в древней Колхиде и поэтому носил название «В поисках Золотого руна». У Андрея Белого есть строчка: «Наш Арго крылатый опять настигает свое золотое руно...» Мы же очень хотели бы, чтоб участники фестиваля нашли свое золотое руно, свое поэтическое откровение на грузинской земле.

Александр Дюма-отец как-то сказал, что Грузия – одухотворенная Галатея, преображенная в женщину. Вот этой женщине – ее красоте, благородству, достоинству словно Музе поклоняются поэты. Любовь русской поэзии к Кавказу – это любовь к свободе. В грузинской поэзии много света, воздуха, она насыщена любовью к жизни во всех ее проявлениях.

Грузия неслучайно стала краем поэзии, своеобразной Меккой для русских писателей. Тбилиси – одна из мировых поэтических столиц, и это не громкие слова. Мост диалога с поэтами Грузии выстраивался русскими поэтами и писателями с начала 19 века. Но в конце 80-х годов эта литературная нить, увы, прервалась. Наш фестиваль одной из своих наиважнейших целей ставит именно возврат к подобному диалогу и к восстановлению культуры перевода. Один из классических примеров диалога, который перешел в крепкую дружбу двух великих поэтов, Борис Пастернак и Тициан Табидзе. Вот с кого надо брать пример! Возьмите гениальную строчку Тициана в переводе Пастернака: «Не я пишу стихи – они, как повесть, пишут меня ...» Не это ли есть взаимопроникновение двух языков, двух алфавитов – таких разных, но столь прекрасно понимающих друг друга.

Ведь на самом деле русско-грузинским поэтическим связям нет аналога в мировой культуре. Еще Осип Мандельштам писал, что в русской поэзии есть свой грузинский миф, впервые провозглашенный Пушкиным и разработанный Лермонтовым в целую мифологию.

Проведение подобных фестивалей требует немалых затрат. Поэтому еще раз хочу выразить благодарность благотворительному фонду «Карту». И крепко пожать руку всем тем, кто помогал нам, чтоб поэтический фестиваль жил и радовал.

Нам верится, что фестивальные встречи дадут новый импульс к возникновению дружеских и творческих контактов. И чтобы как прежде, по словам Андрея Вознесенского, отношение к Грузии для большинства российских поэтов оставалось алтарным.

В ПОИСКАХ ЗОЛОТОГО РУНА

ШУВАЕВА-ПЕТРОСЯН Елена

АРМЕНИЯ

Родилась в 1978 г. Писатель, поэт, журналист. С 2001 года проживает в Ереване. Печатается в газете «Новое время» и журнале «Армянка», сотрудничает в ряде российских изданий («Литературная газета», «Современная литература» и др.). Редактор детской газеты «Nor serund» («Новое поколение»). Учится в Институте международных отношений и востоковедения им. И.Лазаряна. Член Союза литераторов России и Международного Союза писателей «Новый современник». Член Международной ассоциации граждан искусства (Испания, Мадрид). Автор четырех книг стихов и прозы. Лауреат многочисленных международных литературных конкурсов. Составитель сборника «Армянские мотивы».

МЕРТВЫЕ ДЕРЕВЬЯ

Острые копыя
Мертвых деревьев – в небо.
Рваное тело.

Тонкие руки
Мертвых деревьев – к небу.
В последней мольбе.

Небо провисло
Под тяжестью крови,
Воды затихли
В предчувствии войн...

РАЗРУБАЮЩИЙ СОЛНЦЕ

Столетний дуб-меч.
Светило напополам.
Имеет право.

Что видел он,
На этом свете, солнце?
Сто лет побоищ.

В извечной бойне
Сам невольню
Он стал бойцом.
Прости его.

СТИХИ У МОРЯ

Взволнованно море
Внимало стихам.
И ветер, им вторя,
Слегка затихал.
В небесном оконце
Пекло калачи
Аджарское солнце -
Упруги лучи.
И в это мгновенье
На всех снизошло
Одно откровенье,
Что время пришло
Отбросить обиды,

И распри забыть.
Кусочек Колхиды...
К спасению нить...

Взволнованно море
Внимало стихам.
И ветер, им вторя,
Слегка затихал...

2009

Родилась в 1958 г. Поэт, член Союза писателей Беларуси и Союза российских писателей; официальный представитель Международной федерации русскоязычных писателей в Беларуси, автор книг: «Найдите время для любви», «Две музы», «Свет неизбывный», «Память», «От первого яблока», «Живое зерно», «За плотью слов», «Да будет день...»; редактор отдела культуры журнала «Гаспадыня»; лауреат специальной премии Президента Республики Беларусь в номинации «Художественная литература», российской литературной премии им. А.П. Чехова, литературной премии Союза писателей Беларуси «Золотой Купидон». Указом Президента Российской Федерации награждена медалью А.С. Пушкина.

«СЛЕД ПРОШЛОГО ПРОСТУПИТ В НАСТОЯЩЕМ...»

Из цикла «Грузинский дневник 2009 г.»

Третьему Международному
русско-грузинскому фестивалю,
Николаю Николаевичу
Свентицкому,
всем организаторам
и участникам

1

Космические скорости деля,
Купаясь в галактическом раздолье,
Болеет и печалится земля,

И человек – хранитель этой боли.
Хоть все перебинтованы пути,
Грядущее призывно и маняще.
Но никуда от боли не уйти:
След прошлого проступит в настоящем.

Страдает мир от лживости идей.
Но чьим-то душам станет легче к ночи...
Опять не досчитаемся людей
Под вечными огнями одиночеств.

2

Всего пребудет, но не вдруг.
Жизнь отвоевана с боями.
И мал, ничтожно мал тот круг,
Который назовешь друзьями.

Твоя душа уже не та:
Все понимаешь без ответа.
Тебя питает доброта,
Разлитая в стихах поэта.

Уже принять не можешь ложь
С ее фальшиво-тусклым светом.
Надеждой на Любовь живешь,
Еще боясь поверить в это.

3

О, этот груз сомнений и тоски –
Волны накат на безмятежный полдень...
Вникаю в сущность тайн и бед морских,
И я – волна, и я сомнением полнюсь.
И я не смею радость ощутить,

Отдаться ей сполна, со всей отвагой:
Тень строчки, перепутанной, как нить,
Уже легла печалью на бумагу.
И тяжело предчувствие грозы,
И жду стихов, где явь проступит в лицах,
Где чьих-то душ слабеющий призыв
На сотню сожалений раздробится.

4

АРХЕОПОЛИС

Со стеною ветра воевали,
Да устали, видать, воевать.
Камни с башни пылятся в подвале,
Превратились в полегшую рать.
Над разрушенным городом дремлет
Воин-дуб, смертных битв эрудит.
Из расщелины, дикой и древней,
Мутным оком победа глядит.
Только в церковке – светлые лики,
И святая не стерта строка,
А на фреске – Василий Великий
Всею судьбой примиряет века.

5

О, нет, нам горе ни к чему
и ни к чему разлука.
Чужая добрая душа
тебе протянет руку.
Чужая добрая душа...
Ты с ней печаль разделишь.
И дальше время потечет:

неделя за неделей.
И дальше время потечет,
но ты в нем не задремлешь.
И снова вынесешь печаль
из мудрой книги древней.
Когда ж на острове земном
тебе вдруг станет пусто,
В чужой душе пойдешь искать
клад родственного чувства.

6

На вершинах – молчанья слои,
Говорение рек – у подножий...
Я приеду к вам, горы мои,
Если будет на то воля Божья.
Сердце радости не утаит.
Дружба знает глубины и мели.
Даст Бог, свидимся, люди мои,
Мы слезой породниться сумели.

2009

Родился в 1950 г. Поэт, переводчик, издатель. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького в Москве (1974). С 1990 года главный редактор журнала «Факел». Основатель и директор издательств «Факел» и «Факел-экспресс». С 2005 года под его редакцией начинает выходить книжная серия «Новая проза», издающая в переводах на болгарский современных русских авторов. С начала 2009 года заведует литературной частью Народного театра им. Ивана Вазова в Софии. Участник ряда международных литературных встреч и фестивалей. Автор нескольких поэтических книг и многочисленных публикаций в периодике. Лауреат многих поэтических премий и наград. Член Болгарского ПЕН-центра.

ГРЕБЕЦ

Я увидел богов. Корабли их ласкало прибоем.
К нам под сонные южные травы – по морю
пришли.

Как легко поднялись они узкою козьей тропой,
как беспечно и дружно крылатые весла несли.

Боги жаждали сна, просмоленные синею пеной,
осушили трехкратно широкие ведра вина.
И уснули к полудню – и море таким по колено –
Пчелы в их бородах пели, но не нарушили сна.

Я тогда в первый раз захотел стать гребцом и
служить им,
чтобы, сгорбясь, носить их по гладкой, по темной
воде,
голосам по дороге внимая – таинственным,
рыбьим –

и за звездными стаями следовать молча везде.

Через девять холмов я погнал свое стадо
победно!

Сон богов я рассеял, развел я огонь – все я мог!
От огня закричал, заиграл я на дудочке медной,
До рассвета я бегал, и пел, и играл, словно бог.

А когда я уснул, и подул, наконец, нужный ветер,
Головешки в широком жару угасил без следа –
Боги молча спустились по козьей тропе на
рассвете,
И крылатые весла их прочь унесли навсегда.

Перевод Елены Исаевой

ЛЕТАЮЩИЙ ЧЕЛОВЕК

Что ж он молчит, крылатый человек,
и прячется за цепью гор суровой,
сюда, под звездный наш венец терновый,
не опускается, как легкий снег.

Мы разожгли костры у самых гор.
Барашка привели. За нами птицы
сидят. И моря жертвенник дымится...
Так почему он медлит до сих пор?

А знак не подает нам отчего?
Не видит разве, что земля под нами

кипит, и солнце глотку жжет лучами —
с тех пор, как мы увидели его.

Мы посылаем мягкий воск ему
и стаи птиц из клеток наших тленных,
чтоб только крылья подарил взамен их,
как обещал — уж сколько дней тому.

На небесах — не так ли? — он живет,
и рыбаки видали на рассвете,
как тихо он сошел на скалы эти
с неведомых сияющих высот.

А море изрыгает только йод
да камни. И уже по-человечьи
зверь, замурованный в холмах навечно,
кричит.
Остался к небу только брод.

И утро по нему нисходит к нам —
вон там спускается, ветвей касаясь.
И на луче его висит, качаясь,
как золотая клетка — белый храм.

А на его ступеньках — благодать! —
сидит в сандалиях на босу ногу
и ветки разжигает понемногу
тот человек, умеющий летать.

Нас тут осталась горсточка живых.
Мы прокляли и род свой, и отчизну,
и лезвие — на жилке нашей жизни...
Но он молчит в раздумиях своих.

Он уши воском залепил, видать.
А птиц живьем ощипывает,
яйца
съедает. Пух и прах сдувает с пальцев
тот человек, умеющий летать.

... Бараний жир растаял на огне
и капает на угли. День дымится.
И кто-то все кричит не докричится,
что время сеять — к завтрашней войне.

Перевод Олега Хлебникова

ОСТАВЬТЕ В ПОКОЕ

Оставьте в покое того, кто не склонен к беседе,
Кто пьет здесь вино и щетину не бреет три дня,
Кто крошки сметает под стол, беспокоя соседей,
И кашляет хрипло, табак отсыревший кляня.

Пускай он уходит, кивнув на прощанье бутылке,
И, двери минуя, наружу с балкона шагнет,
И клеверным полем дойдет до ближайшей развилки,
И, резко рукою взмахнув, грузовик тормознет.

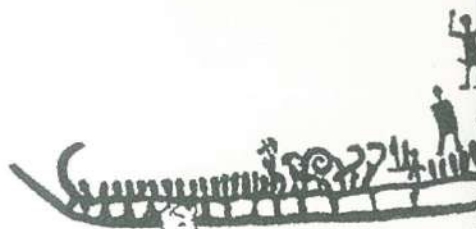
В пути он расскажет шоферу о язве давнишней,
О голоде вечном, что спать по ночам не дает,
Добавив, что малые радости тоже не лишни
И хлебом единым едва ль человек проживет.

Сойдя на холме, он отыщет корявую грушу
И станет лупить по стволу, разодрав кулаки.
Потом растворится в ночи, и она будет слушать,
Как воет он глухо от боли, стыда и тоски,

От жизни жестокой, что нас на задворках находит
И в грубых ладонях сжимает, прессует потом...

...Оставьте в покое того, кто с холма сейчас сходит,
Чтоб снова молчать и стучать по столу кулаком.

Перевод Натэллы Горской

ПОПОВА Надя

Родилась в 1952 г. Поэт, переводчик. Окончила Литературный институт им. А.М. Горького. Работала радиожурналистом в Культурном отделе Болгарского национального радио, редактором в издательстве «Народна култура» и в журнале «Панорама» – издании для зарубежной литературы, теории и критики перевода. С 2004 по 2009 гг. – главный редактор газеты «Словото днес», с января 2009 – главный редактор издательства «Български писател». Переводит классическую и современную русскую поэзию, прозу и философию. Автор пяти поэтических книг. Лауреат премии им. Владимира Башева за лучшую дебютную книгу, «Изворът на Белоногата» («Источник Белоногой») за целостное творчество, премии им. Христо Ботева за перевод прозы и публицистики Александра Солженицына, премии Союза писателей России «Серебряный крест» и «Золотой музы» – за высокие достижения и вклад в развитие русско-болгарских литературных связей. Член Союза болгарских писателей и Союза переводчиков Болгарии.

ГЕНЕАЛОГИЯ ЗОЛОТОГО РУНА (ассоциативное упражнение)

Гобелен пасторальной античности -
изумрудный лужок
в золотистом жужжании пчел,
там пасутся овечки
у молочно-медовой реки,
Филимон и Бавкида,
их увитый лозницею дом...

...Мир язычества.
Прорицатели древние,
приносящие жертвы своим божествам,

в алтаре – потроха агнецов, по которым гадают
судьбы царств и правителей...

...Нет у Средневековья золотой середины.
Толстостенные башни из камня,
сырость дворцов, подземелий,
и костры,
на которых сжигают -
по наущению - ведьм...

Жесткий век крестоносных походов.
Рогатые шлемы.
Запах мяса и крови.

...А за ним Ренессанс.
Взлет искусства,
обжорства,
торжество женской плоти,
поистине – кровь с молоком.

Век за веком,
виток за витком,
за войною война...
Самым огненным знаком
зодиак разгорается –
знаком Овна.

Вопреки астрологии,
по предписаньям евангельской кротости,
род человеческий
именуется стадом;
времена непрерывных сумятиц,
волки в шкурах овечьих,

вой и блеянье...
Ведь иного, увы, не дано.

А в итоге всегда,
как на Древе Познания то самое яблоко, —
на дереве в царстве Колхида —
запретное, вожаденное
Золотое руно.

...Потехи богов, авантюры героев,
вероломство красавиц,
отдающих свое предпочтение
медоточивым речам иноземцев.
Медея, Ясон...
Страшный сон.
Чары стрел Афродиты
и зелий любовных,
на смерти замешанных.

.....

Да простит меня пол-человечества,
покоренное мифом античным -
я не в ладах,
не в родстве с аргонавтами,
хоть и потомка Ясонова друга Орфея.

Пусть другой возлеаает на шкуре бараньей,
пропитанной золотоносным песком -
мне же в душу запало колхидское солнце
и храмы песочного цвета —
не с куполами из золота,
а изнутри осиянные,

рокот моря
и многоголосья мужского тот светлый надрыв.

Прометея в цепях вижу я на вершине Кавказа.
Сквозь натруженность сна —
катит в гору свой камень
собрат мой Сизиф.

От полнолуния это, мой любимый,
приходит ощущение пустоты.

В такие ночи и такие зимы
безумие слетает с высоты.
Псы на ночных дорогах все свирепей,
снег, как начес овечий, меховой...

Мой этот час.
Мой этот жребий —
жить без тебя,
всецело быть с тобой.

Я с давних дней иду по узкой кромке,
а подо мной прохожих смутный рой,
как задним зеркалом осветит мне потемки
среди дорог бессонный разум мой.

У пропасти стою в жестоком мире
и не могу пред роковой чертой
все повторять,
что дважды два четыре,
что день мудрей, чем вечер и покой,

что не желай приятеля супругу
(и выверты, подобные сему),
они безвкусны, навевают скуку
и не дают прозрение уму.

А мне не страшны колдовские яды.
Кто от беды меня отгородил?
Меня стегали ветви без пощады,
сорвала плод, а он червив и гнил.

Я свыклась, что стенания и муки
улыбкой озаряю
в день святой.

Но только ты
не исчезай как звуки
под черною, беспамятной водой.

Перевод Олега Шестинского

Родился в 1944 г. в Сибири в семье российских немцев. Поэт. С 1962 года жил в Москве. Окончил Московский институт иностранных языков. Многие годы занимался изданием и переводом классической и современной европейской поэзии, в основном с немецкого и голландского. В 1991-1992 гг. руководил семинаром художественного перевода в Литературном институте им. А.М. Горького (Москва). С 1992 по 2002 преподавал и участвовал в научных проектах в университетах Граца, Инсбрука, Вены, Мангейма, Пассау. В 1996-1998 гг. — главный редактор «Немецко-русской газеты» (Мюнхен). В 1999 году основал издательство «Waldemar Weber Verlag». С мая 2002 года живет в Аугсбурге (Германия). Лауреат премий Министерства культуры герцогства Люксембург (1993), ПЕН-клуба Лихтенштейна «Liechtensteinpreis — 2002» за лирику на немецком языке, Первой премии международного конкурса им. Анатолия Маковского (2002, Кострома-Петербург) по номинации «Русская проза».

Тиканье секундной стрелки
на моем запястье
слышнее ударов пульса.
Неравный брак
богини
со смертным.

И камни крошатся.
Шипы цветения
встают им в сердце.

Школьные дневники с плохими отметками
я зарывал в снег,
не хотел огорчать родителей.
Но весной они оттаивали
и ручьи приносили их к порогу дома...
На страницы
со смазанными буквами и цифрами
отец смотрел грустно, задумчиво -
как на древние письмена.

1993

ЧЕРЕПКИ

Стихи,
черепки сосуда,
по которым мы можем
лишь догадываться
о целом.

1989

ВОЛХВЫ

Их путь к Нему
освещала звезда.
Остальным
пришлось добираться
в полнейшей тьме.

2000

Тебе хочется знать,
как мы жили?
То был коллективный забег
с барьерами из колючей проволоки
на дистанцию без финиша,
без желания обогнать,
без возможности не бежать.

1991

МОРОЗ В БАТУМИ

Все бело: и бульвар, и бухта.
Точно валенки, пальм обувка.
Часами отсиживаюсь в духане,
погодю пойманный, как в капкане.
Мой собеседник, седой старик,
И не к такому за жизнь привык...
Длинную трубку курит,
слова не спеша смакует.
Говорит мне, за жизни лоз
не волнуйся, мол, будут живы,
о грузинскую кровь обожжется мороз
и изыдет, как черт паршивый.

1969

КЛЮЧИ ОТ МАШИНЫ

Я все еще храню ключи от машины, которую у меня украли.
Бездельник-следователь, к которому я порой захожу узнать,
нет ли каких новостей, улыбается каждый раз своей мудрой
грузинской улыбкой, глядит мне в глаза и молчит...
Помахивая ключами, я жду, когда он начнет говорить:
«И что ты все ходишь! Людей от дел отрываешь!»
В конце концов речь идет всего-то о ржавой машине.
Подумай, как много людей на земле имеют ключи от дома,
которого больше нет, ключи от миров, которых больше
не существует...»
Пристыженный, я ухожу.

1991

Родилась в 1964 г. в Тбилиси. Поэт, переводчик, художник. Окончила Московскую художественную школу им. В.И. Сурикова. Окончила Грузинскую Академию художеств. С 1991 г. живет в Голландии, занимается литературой, живописью и графикой. Автор нескольких сборников поэтических переводов с русского на голландский язык. Составляет и переводит Малую антологию грузинской поэзии. Пишет на русском и голландском языках.

Переводы с голландского

Хендрик Марсман (1899-1940)

ПРОЩАНИЕ

спи, женщина, ночь с тобою,
с тобою тьма
было соединенье
глубоко, и мечта мертва
нет ничего грознее
крови и естества
спи, женщина, ночь с тобою,
с тобою тьма.

*

даль манит.
море, медных дюн волна,
что возле детских лет моих вились,
так незаметно сузились, свелись
к клочку земли, где мать погребена.
вот дом, вот палисадник, мимо них
скользила в ранних сумерках она.
все, чем горела и искрилась жизнь,

она в могилу унесла с собой.
мать умерла, разъехались друзья;
чего я жду, по улицам кружа?
что мне здесь делать одному? болит
и ширится душа.
я отправляюсь в неизвестный край,
где вновь мой голос русло обретет,
перевалив через хребет тоски,
где вновь строфа затеплится во мне.
мне большего не надо!
воображение, о, не измени!
к тебе взываю, голос истощен
отчаяньем и жаждой, без тебя
мне шагу не ступить,
ведь путь далек, и не достанет сил.
из-за тебя я предал дом огню,
из-за тебя я предал мать земле
и вышел в путь, не покидай меня.
в скорбящем горле бьется новый стих.

Ида Герхардт (1905-1997)
УМЕРШАЯ

Здесь спит – засыпан прахом рот –
та, что мне жизнь даровала;
та, что с тех пор из года в год
мне вольно вздохнуть не давала.
Настало время телу тлеть,
Но дух во мне пребудет впредь.
– Ее мне не одолеть.

Пеер Виттенболс (1965)
ПЕРВОБЫТНЫЕ ЛЕСА

Других новостей нет?
Нету, сынок.
Вот разве что это:
сороки бесповоротно
вытеснили дроздов.
Выходит, иначе придется нам
вставать по утрам, засыпать по ночам.
Или вот еще:
к соседке одной
пожаловал гость
ночной.
Муж к ней вернулся с неба.
«Давай и ты к нам», – говорит, – «давай,
тут хорошо и все бесплатно».
Но потрогать себя не позволил.
Есть сыр, есть сырки
(сырками их зря называют, но что это я вдруг об
этом)
сладоcти разные, ветчина,
но лучше сперва доестъ вчерашнюю.
Она вздыхает, почему бы ей не вздохнуть.
Здесьние леса, оказывается,
в три раза древнее, чем принято было думать.
Копали там и вот, наткнулись.
Этак и к собственной молодости
не привыкнешь.

АПХАЗИШВИЛИ Гиви**ГРУЗИЯ**

Родился в 1944 г. Поэт, переводчик. Окончил филологический факультет Тбилисского государственного университета им. Ив. Джавахишвили. Первая книга стихов вышла в 1972 году. Интенсивно печатался в литературной периодике. Автор двух поэтических сборников на грузинском языке. На русском издано четыре сборника поэзии. На русский язык стихи переводили Ю.Даниель, Т.Бек, А.Еременко, С.Бобков и др. Автор трех романов, одного сборника эссе и книги переводов на грузинский язык. Работал рецензентом, заведующим редакции журнала «Цискари». Позже – главным редактором и директором издательства «Мерани». Многие годы проводил мастер-классы в Университете культуры.

СХОДСТВО НОЧЕЙ

Город сгинул в ночи.
Разъединила нас ночь.
Затопила.
Поглотила.

Тонкий аромат акаций
пробуждает туманные воспоминания.

Интересно,
кого накрывала подобная ночь
тысячу лет назад?!

Чей слабый шепот
помнит эта вещая ночь;
она и сейчас
словно повторяет темными ртами листьев
прошлую тишину.

Неужели
это та же самая ночь пришла?!

Кому напевала колыбельную
тысячу лет назад?!
Кто он был?!
Почему сладкие звуки колыбельной —
как орнамент на люльке,
как цветастые гладкие бусы?!

Неужели продолжается та же самая ночь?
Неужели продолжают те же самые люди?

Чьи кости светились
после побоища в лунную ночь?!
Кто он, кто,
который темной ночью
крал у ночи слова,
как запрященные лучи?!

Неужели та же самая ночь пришла?!

Кто мы —
граждане этой ночи,
потомки далеких предков,—
изменившие лица и обычаи,
вечной ночи,
вечного дня
вечные странники?!

Вещая ночь,
таинственная, всезнающая,

темный свидетель наших страстей и тщеты,
страна сновидений,
сладостный исток жизни,—
в темных недрах твоих
твердым узлом завязывается день.

Перевод Александра Еременко

ДЕРЕВО

Дерево умеет молча слушать,
Ствол тебя разглядывать готов.
Дерево тебе откроет сердце
Дрожью нераскрывшихся цветов.

Дерево умеет сад оставить,
В дом его дыханью путь открыт.
Дерево с ума сойдет в апреле
И цветами ветви окропит.

Дерево умеет быть в покое.
Тенью на траве лежит оно.
Дерево — дитя земли и неба —
Воле всеблагой подчинено.

Дерево уходит в день осенний,
Падает листвою в перегной.
Тень его — дрожащая гравюра,
В небе сотворенная луной.

Дерево огонь в себе скрывает
И глядит на землю с высоты.
Ветра чуть заметное дыханье

Трогает упавшие листы.

Не шуми — здесь сад живет и дышит.
Здесь садовник — сеятель огней.
Сад пространство трогает ветвями,
Глубину — объятьями корней.

Мы придем к корням, чтоб раствориться
В вечных их подземных голосах,
И они прохладой нам напомнят,
Что над нами — звезды в небесах.

В меня светло и мягко день войдет.
Блесни, минута, отраженьем детства!
Пока течет, не иссякая, свет,
Я должен в колокольный звон одеться.

Земля мне, знаю, верность сохранит...
Глаза мои оденутся туманом,
Как два пятна, слезами истекут,
Пронзенные слепящим солнцем пьяным.

Я должен здесь остаться — с добротой,
И с пустошью, и с этим дивным садом.
Погибну, если в доме затворюсь,
Расстанусь с раем и расстанусь с адом.

Мелодию, таинственный напев,
В сурдинку и без слов готов пропеть я...
Меня любовь позвала, извлекла
Из смутного, невнятного столетья.

Перевод Юлия Даниеля

ГОМЕПАУРИ Нико

Родился в 1970 г. Актер, поэт, ведущий. Окончил Тбилисский государственный университет театра и кино им. Шота Руставели. Ведущий актер «Свободного театра» и Тбилисского государственного академического русского драматического театра им. А.С. Грибоедова. Автор поэтических сборников на грузинском и русском языках. Телеведущий на канале «Имеди». Лауреат премии им. Котэ Марджанишвили.

10 წამია, რაც გაგიცანი
9 წამი არის, რაც გავიხარე
8 არის წამი – ვიგრძენი ტანი
7 წამის წინ, შიგ ჩავიღვარე
6 გავიდა – წამება ექვსი
5 წამში გაჩნდა შენდამი ლექსი
4 უაზრო, უშენო წამი
3-ჯერ პირჯვარი, თვალებზე წამე
2 წამში ხდება შეტევა გულის
1 წამში სკდება გულის ფიცარი
10 წამია, რაც გაგიცანი
საუკუნეა, რაც შეგიყვარე

Десять секунд – как с тобой повстречался
Девять секунд – как лицом посветлел я
Восемь секунд – как почувствовал тело
Семь – как проник в тебя, влился, остался
Шесть долгих, вечных секунд – на мученье
Пять – родилось чтоб стихотворенье
Вот за четыре секунды простился

За три – заплакал и перекрестился
За две – удар раздается сердечный
Хватит одной, чтобы сердце разбил
Десять секунд пронеслось после встречи
Вечность прошла – как тебя полюбил

Перевод Елены Исаевой

- არ ჩერდებაო დრო –
ვილაცა ბრძენმა ბრძანა ...
და ეთანხმება ბრბო,
- ასე არ არის, განა ?!

როცა მოცარტი ნოტებს არჩევდა,
დროებით შერცხვა დროს და გაჩერდა ...

- Не может время встать –
Ученый муж нудит.
Толпа ему под стать
- Не правда ли? – твердит.

А Моцарт ноты разбирал устало.
Смутилось время и, на время, встало ...

Перевод Риммы Марковой

ჩემი «მეორე მე»,
მუდამ რომ დამდევს თან,
ხან ვაქე, ხანაც ვგმე,
დავემორჩილე ხან.
მაინც დამჩხავის თავს,
როგორც ყორანი მძორს...
ის მე არაფრით მგავს,
რატომ მიყრიან ჭორს?

ის ალბათ შემყრის ჭირს.
მასთან ყოპნა არ მსურს.
მასზე თხოვნა არ ჭრის,
ყვირის, მიყრუებს ყურს.

ჩემი სახელით თხოვს,
ნებართვას არც კი მთხოვს.
თეთრზე ის იტყვის «შავს»,
«არას» მაგივრად, «ხოს».

ვის შევეკითხო, ვის
(გადის მრავალი თვე)?
მე ვარ «პირველი ის»,
თუ ის «მეორე მე»?..

Неустанно «второе я»
догоняет, как ни кружу.
То хваля его, то браня
я невольно ему служу.

Как над падалью воронье
надо мною крылами бьет.

Ведь не схожее, не мое.
Отчего же молва идет?

Наведет на меня беду,
как бы я его ни просил.
Никуда я не убегу –
оглушает, лишает сил.

И не спрашивает, когда
Мои песни поет оно.
Вместо «нет», отвечает «да».
Там, где свет, говорит «темно».

Кто же сможет ответить, кто
(только годы проходят зря)?
Я ли первое есть «оно»,
иль оно есть «второе я»?

Перевод Риммы Марковой

Давиду Маркишу

Гуляй душа! – мозг на подмоге ...
Но опасайся лживых фраз.
Не забывай, к словам я строгий –
Верлибры – смех, а рифмы – фарс ...

Как гордый барс, себе под ноги
не смотрит, сохраняя стан:
душа шагает по дороге
и попадает в капкан!

გონაშვილი მაკვალი

Родилась в 1959 г. Поэт, писатель. Окончила факультет журналистики Тбилисского государственного университета им. Ив. Джавахишвили. Автор сборников поэзии, драматургии, стихотворений и пьес для детей, переводов поэзии разных стран. Работала редактором на грузинском телевидении; была президентом независимой Ассоциации молодых грузинских писателей «Гулани»; редактором детской познавательной газеты «Хелло, беби!» на английском языке; заместителем директора Дома-музея Г. Табидзе; секретарем Союза писателей Грузии; вице-президентом Академии им. Сулхана-Саба Орбелиани. С 2004 г. председатель Союза писателей Грузии. Лауреат премии им. Галактиона Табидзе (2007) и премии им. Анны Каландадзе (2008). Произведения переведены на разные языки мира.

გაზეთის გამყიდველი ბიჭის სიმღერა

იყიდეთ გაზეთი!
იყიდეთ გაზეთი!
იყიდეთ გაზეთი
და მე ვიყიდი პურს,
პურის გამყიდველი იყდის ნავთს,
ნავთის გამყიდველი იყდის ბენზინს
თავისი ძველი ვილისისათვის.
ბენზინის გამყიდველი იყდის ხორცს
და დადგება ოთახში ხორცის ოხშივარი,
რომელსაც მშვიდობისთვის ისეთივე ღვთაებრივი
სურნელი აქვს,
როგორც საკმეველს.
ხორცის გამყიდველი იყდის გაზეთს
და უსინათლობით გამოყრუებული სოფელი
მუცელს აივსებს ათასგვარი სისულელეთი.

რა არ წერია ამ გაზეთში, რას არ გაიგებ,
რომ გაოცდება ყოვლისმცოდნე არსთაგამრიგე.
რომ უკვე დროა, ვაშენებდეთ ქალაქში
ბორდელს,
რომ ღირსეულიც ზოგჯერ იღებს ღირსების
ორდენს,
ისევ ბერავენ პალამენტში ზღაპრების გუდას,
ისევ ესვრიან რჩეულ კაცებს ტალახის გუნდას
და იყიდება ყოველივე – სულიც, სხეულიც,
ჩემი სამშობლოც, უფლის კვართად
გადაქცეული,
დღეს მაღალ სკამზე თუ იხილავთ, -
გუშინდელ ფირალს!
როდის ინებებს რეჟისორი ბედნიერ ფინალს?
ვინ მართალია, ვინ მტყუანი, ვერა გავიგე,
შენ დამიფარე, გევედრები, არსთაგამრიგევ!
ქალაქს რა უშავს, ტელევიზორს მაინც უყურებს.
ის მაინც იცის, ვინ ვის უყვარს, ვინ ვის უხურებს.
კი არა ვცხოვრობთ, სხვისი ვნება-ყოფით
ვივსებით
დონ ხუანებით, კასანდრებით, ელექსისებით.
გამოთაყვანდა რუსთაველის რჩეული ერი
და ზეცის გახსნას ალბათ უკვე არავინ ელის.
ა, ესეც ფსიქო, რას გვპირდები ახლა, გოგი, რას?
«სერიალს არა, მაღალმხატვრულ პათოლოგიას»
და მღერის ჩიტი, ტირის ჩიტი «ბიჭო, გოგია»!
მართლა ჩიტია, თუ განვრთნილი დემაგოგია?
დავბორიალობთ სიბნელეში ხელისცეცებით
და მზის ნატრულნი უსინათლო გზებზე
ვეცემით...
იყიდეთ გაზეთი, იყიდეთ გაზეთი, იყიდეთ
გაზეთი!!!

*

რა გემართება, გულო?
 რა სევდა გეძალება?
 პანია დედოფლები
 გადიქცნენ მეძავებად!
 ხოლო მგოსანი მეფის
 აღარ გამოდის ხალხში,
 თავს გრძნობს თბილად და მშვიდად
 ხელმწიფის უკან, ალში,
 არც უთხოვია მეფეს,
 ისე ჩაუხტა ნავში,
 ცოტა ჩინი და ჩირი
 და კიდევ – ცოტა ტაში...
 ასე არჩია მეფე
 იმ მეუფესთან კავშირს.
 იყიდეთ გაზეთი, იყიდეთ გაზეთი,
 იყიდეთ გაზეთი!

*

რა ფერთა კარნავალია,
 სინმინდემ სული დალია,
 როგორ განითლდნენ შავები,
 როგორ გაცისფრდნენ წითლები,
 ფერისცვალების შემყურე
 რა საოცრებას მპირდები?
 ვინ არის მართლა სპეტაკი?
 თეთრია მხოლოდ სუდარა,
 ვის ესმის ჩემი გოდება?
 ვის ესმის ჩემი მუდარა?
 სულ ლუკმაპურზე ფიქრისგან
 აღარც კი მახსოვს, მსურდა რა?
 სად არის ნატვრის ქვეყანა?

დღეები ქრება წამებით,
ბოლოს სიკვდილიც მოკვდება
სიცოცხლის გარდაცვალებით,
ის, რაც იწყება, მთავრდება,
რაა საეჭვო ამაში,
ხომ მობეზრდება უფალსაც
თიხის კაცებით თამაში?
ის რაც იწყება, მთავრდება,
ალარ დამთავრდა ეს ყოფა,
გაზეთით ხელში წანწალი
მეყოფა, მართლაც მეყოფა!
აჰა, იყიდეთ გაზეთი!
ჩქარა იყიდეთ გაზეთი!
გვედრით, იყიდეთ გაზეთი!

ПЕСНЯ МАЛЬЧИКА-ПРОДАВЦА ГАЗЕТ

Купите газету! Купите газету! Купите! Купите!
Я хлеба куплю.
А на эту монету
Нахмуренный булочник купит горячего
Для дедушки «Виллиса» скрюченного.
Потом наливальщик бензина, солярки
Мясца себе купит кусок для поджарки,
И дом пропитается духом убоины свежей,
И нежен,
И сладостен будет ее аромат.
Как ладана дым.
А мясник, возвращаясь назад,
В деревню, объятую тьмою, прикупит газету,
И пустит по кругу ее – от соседа к соседу,
И все население набьет животы вместо хлеба
Такой тягомотиной – дурью нелепой,
Что волосы дыбом поднимутся у мудреца.
Не видно конца словоблудью, не видно конца.
Прочтешь, что в Тбилиси пора уже строить бордели,
Что Орденом Чести случайно достойных почтили.
Что снова в парламенте сказки народу запели.
Что снова избранных Божьих в грязи извозили.
Что все продается на свете, включая и душу,
Что в кресло высокое втиснули гангстера тушу.
Но все-таки Грузия – Божьею милостью – дышит.
Услышь, режиссер! Дай счастливый финал! Но не слышит.
Уже я не знаю – где правый, а где виноватый.
Спаси меня, Господи, от круговерти проклятой!
А городу все нипочем, город мирно устоялся
в телеэкраны,
Он весь переполнен придуманной жизнью чужой – там
Кассандры, Марии, Хуаны,
В интригах тропических стран поголовно все граждане поднаторели,
И знают – кто любит кого, а кто бросил кого.

Измельчал ты, народ Руставели!
И кто же достоин из нас восхождения в Вечность
блаженства?
Ни словом не смею назвать никого я, ни жестом.
А вот и «Психо», субботний выпуск. Телеведущий –
интеллигентный Гоги.
Не сериалами кормит зрителя – высокохудожественными
патологиями.
И плачет птица из фильма – психо. Скажи мне, Гоги,
Взаправду птица там, на экране, иль дрессированная
демагогия?
Мы шарим руками в ночной темноте, как слепцы,
на дорогах Отчизны,
Мечтая хоть проблеск рассветного солнца увидеть
при жизни.
Купите газету! Купите газету! Купите, купите...

Что с тобою, сердце,
Захватило дух.
Маленькие леди
Превратились в шлюх,
И поэт придворный
Не идет в народ, –
У царя он в холе
И в тепле живет.
Не спросясь, пролез он
В царственный шатер,

Чин и черносливы
Получил – хитер!
И теперь поэта
Восхваляет хор.

Купите газету! Купите газету! Купите, купите...

Разгулялся карнавал цветов,
Снова нежность душу захлестнула.
Красный почернеть уже готов.
Синева в зеленом утонула.
Глядя, как меняются тона,
Что за чудо мне пообещаешь?
Где же чистота и белизна?
Бел и чист лишь саван, понимаешь...
Кто услышит горестный мой плач
И молитвенные причитанья?
Голод – мой недремлющий палач,
Лишь в горбушке все мои желанья.
Где же рай земной, страна мечты,
Гаснут дни в мученьях непрерывных.
Смерть, в конце концов умрешь и ты
В умираньи жизни заунывном.
Где начало, где конец, ответь,
В чем виновны мы, в чем неповинны?
Надоест когда-нибудь вертеть
Господу фигурками из глины?!
Все имеет в мире свой предел.
Лишь моей дороге нет предела.
Господи, как мир осточертел,
Как таскать газеты надоело...,

Купите газету! Купите газету! Прошу вас, купите...

Перевод Владимира Саришвили

თაფლობის შხამი

თბილისი თითქოს იყო «წვიმისი»,
ჩემსავით ველარ გამოიდარა,
დახურულია ყველა სარკმელი,
გადახსნილია ყველა იარა.
უკვე გასრულდა ჩვენი ბრძოლებიც,
უკვე გასრულდა და გაილია,
ამეკვიატა ფიქრები მაინც,
ის ქალი ნეტავ რანაირია.
ახლა თაფლობის მზეს ლოკავთ, ალბათ,
და ხარ სამოთხის ურცხვი სტუმარი.
მე კი ასპიტი მიკოცნის კერტებს,
მიდევს ნარ-ეკლის თავსასთუმალი.
სხვას ერგო ჩემი წილი მზის სხივი,
სხვას ერგო ჩემი დიბა-ატლასი,
გარედან ერთი ტკივილიც არ ჩანს,
შიგნიდან მკენწლავს დარდი ათასი.
როგორ გაგწირო, როგორ დაგწყევლო,
დღემდე თუ მხოლოდ ლოცვად მოვედი,
გაჭირვეულდა სარკმელთან მარტიც,
უიღბლო, როგორც ქალი პოეტი.
ალბათ, შეგვხვდები ისე, ვით უცნობს,
სარკმელთან ღამენათევ გოლიათს,
როგორ გგონია, შეგვინდობს ღმერთი?
გამოიდარებს, როგორ გგონია?

ОТРАВА МЕДОВОГО МЕСЯЦА

Тбилиси – отныне ты город-дождь,
Гремят твои барабаны.
Ты закрываешь себе глаза.
Когда раскрываешь раны.
Все поздно, проиграно, свет потух,
Жизнь мечется, догорая,
А та, что с тобою, а та, что не я.
Какая она – другая?
Пока вас обоих метит ожог
Медового месяца, – с кровью
Змея целует меня в уста,
Прильнув к моему изголовью.
Другая на месте моем, в раю,
В моей парче и в атласе.
Пока я в лохмотьях моей беды
Тоскую о смертном часе.
О, как от тебя откреститься, когда
Ты был, как «Христос воскрес»!..
Нет, трижды мертвый, медовый март, –
Лгут щели в твоей завесе!
Любимый, с тобой, как с прохожим? Да.
Круги по воде, что петли...
Простит ли, помилует нас Господь?
А дождь? Кончится ль, нет ли?

Перевод Олеси Николаевой

ДАРЧИАШВИЛИ Алик

Родился в 1955 г. Поэт, переводчик. Окончил металлургический факультет Грузинского политехнического института. Печатается с конца 80-х гг. Пишет стихи и прозу на русском и грузинском языках.

НОСТАЛЬГИЯ ПО СССР

Сантехник Вася очень много пил
И ничего не делал, и курил,
И ничего не делал, его тело
Одрябло, его ноги одряхлели,
Передвигался Вася еле-еле
То в гастронорме, то выклянчить червонец
У сослуживца Иванова Коли.

У Иванова были то ли дети, то ли жена
И водку он не пил, и не курил,
И занимался делом, имел натренированное тело.
Терпеть не мог людей второго сорта.
Поэтому сам увлекался спортом
И физкультурой, и вообще как мог
Жизнь проживал не покладая ног.

Но денег не давал, ни просто так,
Ни под залог, ни даже под проценты.
Особенно он не давал их Васе,
Хранил, как полагается, в сберкассе
И не в рублях, а в долларах и центах,
Тем самым провоцируя дефолт,
Его никто не видел на концертах,
Он не ходил в кино и в рестораны,
Домой с работы возвращался рано.

Он экономил даже на еде.
Он проживал как вся страна – в беде.
И знали все вокруг, что он зациклен
На мотороллере или на мотоцикле,
Который не имел, и вместо ласки
С женой судачил о мотоколяске.

И вот к нему стучится ночью в дверь
Сантехник Вася с явной целью выпить,
Но с Иванова легче зубы выбить
Чем получить заветный червонец.
Ведь у него отличница жена,
Заочница технического вуза,
Активный член ячейки профсоюза,
Работница ударного труда.
И денег он не дал, он не имел
Моральных прав распоряжаться ими,
Его не трогало, что сослуживцы пили,
Он отвечал лишь только за себя.

Сантехник Вася разозлился очень.
И под дурным влиянием алкоголя
Избил жестоко семьянина Колю,
Одрябшими ногами, между прочим.

С той ночи Коля с горя начал пить,
И ничего не делать, и курить,
И ничего не делать, его тело,
Одрябло, а жена окончив техникум
Взяла детей и жить пошла к сантехнику,

Который бросил пить, курить он бросил также,
Стал физкультурником, и на досуге даже

Сменил исправный кран на неисправный,
И никому не показалась странной его
метаморфоза,
Или то, что Иванов, который год в запое,
Взамен того, чтобы стоять в забое,
Людьми руководить или страной
И вдохновлять народ примером личным,
А потому, что мир наш гармоничный,
И если даже кто-то бросил пить
То его водку тотчас пьют другие.

2005

ДЖОРДЖАНЕЛИ Ника

Родился в 1978 г. Поэт, переводчик. Окончил факультет западноевропейских языков и литературы Тбилисского государственного университета им. Ив. Джавахишвили. Автор двух поэтических сборников. Стихи внесены в антологии современной грузинской поэзии. Переведен на иностранные языки. Преподавал в Немецкой школе немецкий язык и литературу. Преподавал грузинский язык в Московском государственном лингвистическом университете. Лауреат международной премии «Содружество дебютов» (2008).

არაერთხელ გაგონილი

მე ვარ სიჩუმე, და მე ვისმენ საფლავთა ბლავილს,
შეყვარებულთა აჩრდილების სევდიან მღერას.
ჩემში, ნაპირზე გამობმული, ტივტივებს ნავი,
რომელიც, ალბათ, დაავინწყდა ამქვეყნად ყველას.
ჩემში გედები იღერებენ ყელს და თვალები
რჩებიან ხოლმე, დახუჭულნი, თავის ამარა.
ჩემში წერია სახელები, წლები, „არები“
მათი, ვინც იყო და ახლაა ჩემი ამაღლა.
ყველა გინება, ყველა ტყვია, რასაც ისვრიან
და რასაც ბედზე თუ გაექცა ესა თუ ისა,
ყველა გინება, ყველა ტყვია, რასაც ისვრიან,
ჩემში პოულობს, შეუცნობელს თავისთვის, მიზანს.
ნივთს და მტვერს შორის არც დრო არის, არც არჩევანი,
და, ზენივთებად გადაქცევის წყურვილი მტვერთა,
მე ვარ მდუმარე ჩანასახის ავანჩავანი,
ბნელ სინესტეში რომ თავსდება ცხედართან ერთად.
ჩემში აზრია საბოლოო ყოვლის შესახებ,
რომელსაც სიტყვის გარსში ყოფნა სულ არ სჭირდება.
თუმცა გაქცევა უნდა ჩემგან ყველა შესაკრებს,

მაინც ჯამი ვარ მათი. თუმცა დამგმეს ჩიტებმა,
 ადამიანებს სასწაული ჩემითვე უკვირთ.
 თუმცა დარბაზმა მხოლოდ წუთით მცნო და დამიცვა,
 ჩემში ხსოვნაა საუკუნო. თუმც მმტრობს მზის შუქი,
 მტრად ვერ აღვიქვამ და ვპასუხობ შუქით მთვარისა.
 სანამ მუსიკა გაჩნდებოდა, სახეს ვიძენდი,
 და ახლა თუმცა შარშანდელი მიცავს ბუზილა,
 თვითონ მუსიკა სიჩუმეა, მაგრამ ისეთი,
 რომელშიც აღარ შეიძლება ჟღერდეს მუსიკა.
 რა შუაში ვარ? ანდა ჩემგან რა ხსნას ელიან?
 როცა ყოველი ალბს პირს და ჩემში ინთქმება.
 მხოლოდ ლოცვაა ერთადერთი ხმა, თუ წრფელია.
 მაშინაც, როცა საგანგებოდ ჩემში ითქმება.
 და, ბედნიერი, მე ვტიროდი, რად არ მეტირა,
 როდესაც მივხვდი, ღმერთთან ერთად შენ მეც რომ მაქვს,
 ჩემი და ლოცვის გადაკვეთის დიდო წერტილო –
 ჩემ შუაგულში მდგომი კაცის მლოცველო ბაგეც.
 მხოლოდ ლოცვაა უტყუარი ხმა, ხმა საჩემო.
 განგაშის ზარი ამაოა და არ ღირს რეკვად.
 მე ვარ სიჩუმე. მე ვარ თქვენი ღამის სიჩუმე.
 თქვენ ვინც გენებოთ – ის იყავით. რაც გინდათ – გერქვათ.

НЕ РАЗ УСЛЫШАННОЕ

Я – тишина, и я слышу, как воют могилы,
 призраков пенье над ними в тоске и печали.
 Лодка во мне, про которую все позабыли,
 бьется о берег, оставленная на причале.
 Лебеди шеи во мне изгибают, а взоры,
 скрытые веками, спят. Дни рождения, даты
 смерти, мгновения славы и годы позора –
 все станет свитой моей, что гремело когда-то.

Всякая брань и все пули, что пущены были
и не сумели достигнуть назначенной цели,
всякая брань и все пули, что пущены были,
все попадает в меня, пролетев мимо цели.
Вещи и пыль — их не делит пространство и время.
Вечно стремление пыли в сверхвещи вернуться.
Нежный зародыш и легкое хрупкое семя,
так же как труп мной во мраке сыром берегутся.
Я — эпилог ко всему, но свободный от шумной
слов оболочки пустой. Пусть меня избегают
все сослагаемые — я конечная сумма.
Птицы напрасно на казнь меня обрекают.
Люди же только со мной удивляются чуду.
Вечная память во мне сохраняется, даже
если меня соблюдали всего лишь минуту.
Лунная ночь дня слепящего может быть краше.
Я до создания музыки плоть обретала,
и хоть хранит меня лишь прошлогодняя муха,
музыка — это и есть тишина от начала
и до конца. Но уж в ней не раздастся ни звука.
Так для чего я, зачем я везде и повсюду?
Каждое слово во мне пропадает бесследно.
Только молитвы звучанье гасить я не буду,
даже когда говорится она незаметно.
О, единенье устами меня и молитвы,
к Богу взывающими! И я плачу от счастья,
слыша, когда человек, тишиною залитый,
Господа славя, меня восхваляет отчасти.
Только молитвенный голос меня не порочит.
Тщетен тревожный набат, что гремит всенародно.
Имя мое — тишина. Тишина вашей ночи.
Вы ж называйте себя, как вам будет угодно.

Перевод Анны Золотаревой

ბანცდა ხავერდისაბან

არისტოკრატია: წვა – არავითარი.
ყალბი მიმოხრანი და ყალბი ტონები.
იკრიბებიან კონცერტზე მდიდარი
ბატონები და ქალბატონები.

შოპენს დაუკრავს
ცნობილი ემიგრანტი,
კუშტად მომზირალი,
თავმომწონედ ზანტი.
სამშობლოს ქებისას
აღგზნებულ ენამჭევრს,
დაკვრის დროს კლავიში
მაინც შეეშლება,
მაგრამ გადარჩება,
მაგრამ ეშველება,
რადგანაც შეცდომას
ვერავინ შეამჩნევს...

როცა დამთავრდება უეცრად კონცერტი
და დაბრუნდებიან „იქიდან“ „აქეთ“,
პიანისტს ესვრიან ემოციების ხორცმეტებს
ხანგრძლივი მქუხარე ტაშისკვრის სახით.
შემდეგ უნაყოფო მოხდება გაცნობები –
შოპენით სულების ხანმოკლე ანთებით.
ერთმანეთს შეხვდებიან ძველი ნაცნობებიც:
„ერთად წავიდეთ. თქვენც იქით ხომ?
სხვა როგორ ბრძანდებით?
სხვა როგორ გიკითხოთ?“

...შხამით ივსება ბნელი, მონყენილი,
ცარიელი დარბაზი: სივრცე ნატორია
უსწორო ბგერით. დამპალი კონსერვივით
იბერება, ღრჭიალებს კონსერვატორია.

РАЗДРАЖЕНИЕ ОТ БАРХАТА

Тьма беспросветная – высший свет.
Речи и жесты – полные лжи:
собираются на вечерний концерт
господа богатые и госпожи.
Шопена играет
известный эмигрант,
с угрюмым взором
медлительный франт,
во славу отчизны
трибун инструмента,
аккордов слова
исполняющий страстно:
собьется, исправит –
волненье напрасно –
здесь нотная фальшь
никому не заметна.

Концерт завершится, и все тишиной
«сюда» постепенно вернутся «оттуда»,
зальет пианиста восторгов волной,
оваций гремящих обрушится груда;
наступит черед бесполезных знакомств –
от музыки души слегка в лихорадке,
и встретятся те, кто друг с другом знаком:
«Ведь нам по пути? Пойдемте же вместе!
Как сами? В порядке?
Есть добрые вести?»

Наполняется ядом темный, постылый,
опустелый зал, заражена вся его территория
звуком испорченным; как будто консервы сгнили,

лязгает, вздувается с металлическим скрежетом
консерватория.

Перевод Анны Золотаревой

ცოცხალის ხსოვნას

შენ წევხარ ხელში ოცი წლის დეპეშით
მხარეზე გულის, რომელიც გაჩერდება.
შენ არ მოგხვდება ლურსმანი ხელ-ფეხში.
შენ გელის ლურსმნის შუბლში ჩაჭედება.

და მაინც არ ამბობ, ყოფა რომ გეტირა.
ასე დაამძიმა ტრაგედია ევრიპიდემ.
ხანდახან ტირი, როგორც ჰეტერა,
აზიაში ძალით წაყვანილი ევროპიდან.

ტვინში ჩაგემტვრა ფიქრების ციგურები.
ვერგანათებული, უცქერი შუქურებს.
უკვე სულ ერთია, სარკეში იყურები
თუ შენს თავს სარკიდან უყურებ.

ПАМЯТИ ЖИВОГО

С депешей ты лежишь двадцатилетней
на том боку, где смолкнет сердца бой.
Гвоздь не в ладонь и не в стопу последний,
а в лоб тебе вколотится судьбой.

Твой Еврипид с трагедией сугубой:
не признаешься, что тебе хана,

и плачешь, из Европы силой грубой
как в Азию свезенная жена.

Из головы мечты, хромая, вышли.
Ты смотришь из бездонности на дно.
Так в зеркало сам на себя глядишь ли,
из зеркала ль взираешь – все одно.

Перевод Максима Амелина

ნატაშვილი შოთა

Родился в 1966 году. Поэт, прозаик, переводчик, литературный критик. Автор восьми поэтических сборников и трех сборников рассказов. На грузинский язык переводит англоязычную поэзию и современных русских поэтов. Участник международных поэтических фестивалей: ORIENT-OCCIDENT в Румынии (Куртя-де-Арджеш, 2006), EST-OUEST во Франции (Ди, 2006), Poetry International в Голландии (Роттердам, 2007), V Поэтическое биеннале (Москва, 2007), SOTZIA (Таллинн, 2008), Дни поэзии (Рига, 2008), «Киевские лавры» (Киев, 2009) и др. Лауреат премии «Саба» за лучший поэтический сборник года (2007) и международной премии «Киевские лавры» (2009). Произведения переведены на многие языки мира.

ფანქარი მიწაში

დღეს ფანქარი დავასაფლავე...

ჩემი ერთგული,
დაკუტებული,
ხანდაზმული,
ბრძენი ფანქარი...

ოთხი დღის წინ ხელში ჩამაკვდა...

არ გეგონოთ, რომ ლექსსა ვწერდი...
ვიჯექი და ქვეშმიწერით
გადასახადის, ვალების და
პურისა და სიგარეტის ხარჯებს ვკრიბავდი...

მოღრღნილ ბოლოზე პირი ვტაცე,
მაგრამ უკვე გვიანი იყო:
არ უშველა ხელოვნურმა სუნთქვამ, არადა
მთელი ცხოვრება გაჭვარტლული ჩემი ფილტვების
შხამიანი სიო იყო

მისეული შთაგონების უცვლელი წყარო...

ჩემმა ძველმა კრებულებმა,
საქალაქდეთა ზვინებმა და
კომპიუტერის კლავიშებმა
დაიტირეს იგი, იგლოვეს...

ხალვათი სასახლე შევურჩიე:
ჩემი სანერი მაგიდის უჯრა;
გადასახადის, ვალების და
პურისა და სიგარეტის
მწარე ციფრებით აჭრელებული
ფურცელი სუდარად გამოვიყენე...

ჩავატანე სათლელეები, საშლელეები
და ორი ლექსი:
„ფანქარი ცაში“ და „ფანქარი არაცაში“,
და ნივთების მუხათგვერდში დავასაფლავე...

ახლა ვზივარ, მარტოსული, სევდიანი, –
მომცრო გორაკთან,
ხელში ჯოხი მიჭირავს და
დედამინის ზედაპირზე,
მცირე ხნით მაინც, –
სანამ წვიმა გადარეცხავს
ან ვილაცის ჩექმა გადაგლესს, –
აღვბეჭდო, ვცდილობ,
გარდაცვლილი ჩემი ფანქრის ეპიტაფია...

ჯოხი...
ხელჯოხი...
ანი უთუოდ იგი უნდა დამიმეგობრდეს.
როცა ფანქარი მინაში გინევს,
ჯოხილაა შენი მეგზური.
ჩიჩქნე,
კანრე,

დაეყრდენი,
უფრო მძაფრად შეიგრძენი
ასოების გამოყვანის წარმავლობა...

ხოლო ბოლოს,
როდესაც იგრძნობ
აღსასრულის მოახლოებას,
მოიკრიბე ერთხელაც ღონე,
გადატეხე ეგ ხელჯობი,
ჯვრად შეკარი შენი ჭაღარით,
დაასე საფლავს და ექეცი
საკუთარ ფანქარს
მარადიულ თანამეცხედრედ...

КАРАНДАШ В ЗЕМЛЕ

Схоронил я сегодня свой карандаш...

Верный мой,
Укоротившийся,
Состарившийся,
Мудрый.

Дня четыре тому назад
Он скончался у меня на руках.

Думаете, я сочинял стихи?
Нет, складывал в столбик расходы на свет и газ,
Сигареты и хлеб,
На уплату долгов.

Ухватил я губами обгрызенный торец умирающего,
Но оказалось поздно.

Искусственное дыхание не помогло -
А ведь всю свою жизнь вдохновлялся мой друг
Отравленным дыханием
Моих прокопченных легких.

Рыдали по нему мои старые сборники,
Скирды папок,
Клава моего компа,
Всхлипывали и носили траур.

Вместительным гробом ему стал ящик
Письменного стола,
В саван его завернул я —
Тот самый листок, разукрашенный
Мелкой цифирью долгов,
Расходов на газ, сигареты и хлеб.

В гроб положил я ластики и точилки,
И два собственных творения:
«Карандаш в небе» и «Карандаш не в небе».

Отнес я его на кладбище для бедных вещей,
Похожее на Мухатгверди, последний приют для
бедных людей
Одиноко и грустно сажу у холмика
С посохом в руке,

Чтобы на поверхности земли попытаться
Запечатлеть эпитафию моему покойному другу -
Пусть ненадолго, покуда ее не смоет дождь
Или затопчет случайный сапог.

Посох, мой посох,
Будем с тобой дружить.
Когда карандаш погребен в земле,
Только посох теперь может стать тебе поводырем.
Копай,
Царапай,
Опирайся,
Чтобы еще острее ощутить,
Сколь преходящи очертания букв...

А когда, наконец, почувствуешь
Приближение конца,
Соберись напоследок с силами,
Переломи пополам свой посох,
Составь из него крест, связанный прядью твоих
седых волос,
Воткни его в могилу и
Воссоединись с карандашом своим
Навеки...

Перевод Бахыта Кенжеева

სახელი და გვარი

ვუძღვნი ვან გოგის „ფეხსაცმელებს“

ჩვენ სახელი და გვარი ვართ,
ერთი წყვილი ერთგული ფეხსაცმელი
მუდამ ერთი ადამიანის.
დაიბადება თუ არა იგი,
მაშინათვე აცმევინ ჩვენს თავს:
ჯერ გვარს, ცოტა ხანში სახელსაც,
რათა იაროს დედამინაზე,
საზღვრები კვეთოს,
ტალახშიაც გასტოპოს და
საპატიო ხალიჩაზეც გაიაროს
საზეიმო მუსიკის ფონზე...
ჩვენ რომ არა, დაუდგრომლები,
ის ნაბიჯსაც ვერ გადადგამდა,
სიყვარულს ვერ აუხსნიდა სხვა წყვილ ფეხსაცმელს,
ვერ შესცოდებდა, ვერც აღსარებას ვერ იტყოდა,
ერთი სიტყვით, ვერ იცხოვრებდა...
ჩვენ, რა თქმა უნდა, თანდათან ვცვდებით,
მაგრამ ბოლომდე არასოდეს,
ერთი კია, ზოგჯერ პატრონი გვიწუნებს და
ახალ, პრიალა ფეხსაცმელზე
საკუთარი ნებით გვცვლის ხოლმე,
ხან ერთ-ერთ მათგანს, ხანაც ორივეს.
მაგალითად:
კოსტროვიცკის – აპოლინერზე,
კვირკველიას – გრანელზე,
სპენსერს – ჩაპლინზე,
სემუელ კლემენსს – მარკ ტვენზე,
ხოლო ქალები, რომ თხოვდებიან,
ხშირად ცალ ფეხზე ქმრების ბათინკებს ირგებენ
ხოლმე,

და ჩვენც რალა დაგვრჩენია,
დამტვერილები, მორჩილად ვყრივართ მათ
კარადებში,
იმ იმედით, რომ ხანდახან მაინც გაგვიხსენებენ...
თუმც უფრო ხშირად
ორივენი სიკვდილამდე მათთანა ვართ,
და მერეც, როცა
ქრება ის ჩვენი ადამიანი,
ჩვენ ვრჩებით ამ სამყაროში,
როგორც ნიშანი მათი ოდესღაც არსებობისა.
ჩვენ უკვე აღარ ვმოძრაობთ, მაგრამ
ახალ თაობებს ვაჩვენებთ, იგი სად მოძრაობდა,
რატომ და რისთვის...
ზოგჯერ, თითქოს ჩვენი პატრონი ცალფეხა იყოს, –
შოთა, ილია, აკაკი, ვაჟა, გალაკტიონი... –
შთამომავლები მხოლოდ და მხოლოდ
ცალ ფეხსაცმელს ამჩნევენ და აპრილებენ...

აი, ასეა,
ჩვენ სახელი და გვარი ვართ,
და თუ მოკლედ აღგიწერდით,
ძირითადად ასეთია ჩვენი ცხოვრება...
რა თქმა უნდა, მარადიული არაფერია,
და ცოტა ადრე თუ ცოტა გვიან
ჩვენც მოგვისვრიან საბოლოო ნაგავსაყრელზე,
და ვინ იცის,
იქნებ მხოლოდ ამის შემდეგ
გამოჩნდეს, თუ სინამდვილეში
ვინ იყო ის ადამიანი,
მთელი ცხოვრება რომ ამქვეყნად დავატარებდით...

ИМЯ И ФАМИЛИЯ

Посвящается «Ботинкам» Ван Гога

Мы – имя и фамилия,
верная пара обуви
всегда единственного человека.
Как только он рождается,
тотчас надевает нас:
сперва фамилию, затем вскоре и имя,
чтобы они ходили по земле,
пересекали границы,
топали по грязи и
дефилировали по ковровой дорожке почета
под торжественную музыку...
Когда бы не беспокойные мы,
ему бы не сделать ни шага,
не объясниться в любви другой паре обуви,
не согрешить, не раскаяться,
словом — не жить...
Мы, конечно, постепенно изнашиваемся,
но до конца – никогда,
хотя порой перестаем нравиться хозяину,
и он добровольно меняет нас на
новую, блестящую обувь.
Порой половину пары, а иногда и всю.
Например:
Костровицкого – на Аполлинера,
Квирквелия – на Гранели,
Спенсера – на Чаплина,
Сэмюэля Клеменса – на Марка Твена.
А женщины, выходя замуж,
часто примеряют к одной ноге ботинок мужа.

И нам больше ничего не остается —
пыльные, послушно валяемся у них в шкафах,
в надежде, что хоть иногда нас вспомнят...
хотя чаще
в комплекте остаемся с ними до смерти.
и позже,
когда исчезает наш человек,
мы остаемся в этом мире
как свидетельство его прежнего существования.
Мы уже не движемся, однако
показываем новым поколениям,
где он двигался,
почему и зачем...
Иногда, как будто наш хозяин одноногий, —
Шота, Илья, Акакий, Галактион... —
потомки замечают лишь один башмак,
чищают его, наводят лоск...

Итак,
мы — имя и фамилия,
и если описать вкратце,
это и есть наша жизнь...
Конечно, нет ничего вечного,
и чуть раньше или позже
нас выкинут на свалку.
И кто знает,
может, лишь после этого
станет видно, кем на самом деле
был тот человек,
которого мы всю жизнь водили по свету...

Перевод Алексея Цветкова

ყვავილი მაშინ, როცა გატეხილი ჭიქის ნამსხვრევებზე ფეხი გაჭრება

მზის სხივი, ის,
ბროლში რომ უნდა გაეარა და
სახლის პატარა, მოშინაურებულ
ცისარტყელად დაშლილიყო,
ახლა დაუბრკოლებლად გადაკვეთს
მთელ ოთახს და
კუთხეში მიგდებულ შენს ფლოსტს დააკვდება.

ივრის წყალი, ის,
ონკანში რომ უნდა გაეარა დაქლორილს და
ჭიქაში გაპიპინების შემდეგ
შენს ისედაც მეტისმეტ სხეულს წამატებოდა,
ახლა ნიჟარაში ჩალაგებულ
გასარეცხ თეფშებს დაათქრიალდება.

სისხლი, ის,
ფეხისგულიდან რომ არ უნდა გამოგსვლოდა და
იატაკსა და ბროლის ნამსხვრევებს
რომ არ უნდა წაცხებოდა,
ახლა იოდთან ბამბას და
ჩემს სულისშებერვას ელის
ცოტათი დამფრთხალი.

განსაკუთრებით ახლა, აი,
რატომ გჭირდება შენ
საჩუქრად ყვავილი, რომელსაც
პირობითად ჩემი სიყვარული ჰქვია.

ЦВЕТОК В ПОДАРОК ТОГДА, КОГДА ТЫ ПОРЕЗАЛА ОСКОЛКАМИ СТАКАНА НОГУ

Луч солнца,
что должен был пройти сквозь хрусталь и
разложиться маленькой,
домашней, желанной радугой,
сейчас без препятствий пересечет
всю комнату и
набросится на тапочки, позабытые в углу.

Вода,
что должна была пройти, очищенная,
через кран и,
наполнив стакан,
стать частью твоего тела,
сейчас хлынет
на грязные тарелки, оставленные в раковине.

Кровь,
что не должна была вытечь из твоей ступни
и окропить хрустальные осколки и пол,
сейчас, немного испуганная,
ждет, когда я подую на ранку
и приложу к ней ватку с йодом.

Вот почему именно сейчас
тебе нужен
в подарок цветок, который
условно называют Любовь.

Перевод Елены Зейферт

КЕБУРИЯ Гугули

Родился в 1936 г. Окончил факультет механизации Грузинского сельскохозяйственного института и факультет философии Тбилисского государственного университета им. Ив. Джавахишвили.

С 1996 года издает стихи, прозу и переводы на русский язык. В 2008 году Союзом писателей Грузии был награжден дипломом и статуэткой «Мерани» за переводы грузинской поэзии на русский язык. Член Союза писателей Грузии.

«ЕЩЕ НЕ ВЕЧЕР...»

*Прошептав тебе еще полслова,
Я допью пустеющий бокал,
А потом займусь любовью снова
И умру, сраженный наповал.*

Г.К.

Вы спускаетесь в бар,
вы садитесь у столика крайнего,
Чтоб потом незаметно,
для себя же, бесследно уйти.
Вам не хочется слов,
вы идете из рейса дальнего,
Вам до гавани надо
свой бокал, не разбив, донести.
С ним душевный настрой
обретает иное звучание.
В нем напиток волшебный
закодирован, словно тайник.
Стоит выпить его,
и вся жизнь приплывет на свиданье,
И доверчивым шепотом

вам про вас все расскажет двойник.
Вы увидите след,
уходящий в далекое прошлое,
Словно пена волны,
убежавшей, как жизнь, за кормой.
Вы столкнете за борт
все случайное, ветхое, пошное,
Не оставив себе
ни греха, ни гроша за душой.
Но бокал уже пуст,
хоть вино продолжает движенье,
Разнося по углам
сердцу милые письма, слова.
Мы храним их всю жизнь,
как копилку святого волненья,
Как аквариум детства,
из которого слита вода.
Вы встряхнете душой,
отгоняя страниц наважденье.
Вы посмотрите в зал,
наливая напиток в бокал.
И случайно в него
попадет хрупкий миг наслажденья,
Вы увидите рядом,
столь знакомый, камеи овал.
Вы поймете тогда,
что напрасно тоскуете в гавани,
Что не штиля, а шторма
ждут ревнивой любви паруса,
Что пора выходить вам
навстречу ветрам, снова в плаванье,
И, подняв свой бокал,
вы посмотрите даме в глаза.

И в безмолвный ваш мир
вдруг ворвутся мелодии страстные,
И по палубе шаткой
затанцует интриги канва.
А в каюте у вас
оживут сновиденья прекрасные,
И продолжат свой спор
день и ночь... и огонь и вода.

*Едва-едва я добрел,
Измученный до ночлега...
И вдруг – глициний цветы!
Басе*

Заезженная улица,
Подвальное окно.
И небо снова хмурится,
Но мне не до него.

Делами озабоченный,
По улице бегу,
Вдруг, словно замороженный,
Я замер на ходу.

Божественная музыка
Лилась из-под окна,
И собиралась публика,
Забыв про облака.

Перевод с грузинского
Дата Гулуа

Никогда я не был Ахиллесом,
Ни Гераклом не был, льву подобным.
Духом был, снежинкою над лесом,
Был в тебя когда-то я влюбленным ...

А теперь в тумане сновидений
Ждут меня совсем другие дали.
Не дает мне солнце объяснений,
Как избавить душу от печали?

Лишь стихи приносят облегченье,
Разлетясь, как брызги водопада.
В них я вижу эры обновленья,
Мне для счастья большего не надо.

Этих дней кинжал украшен верой,
Сохраняют мудрость слова ножны,
Но какой же мне измерить мерой
Силу чувств, когда слова тревожны?

Никогда я не был Ахиллесом,
Ни Гераклом не был, льву подобным.
Был мечты твоей когда-то Зевсом,
Был к тебе любовью окрыленным ...

КУБАНИШВИЛИ Котэ

Родился в 1951 г. Поэт, переводчик. Окончил физико-математический факультет Тбилисского государственного университета им. Ив. Джавахишвили. Печатается с конца 80-х гг. Переводит англо-американскую, русскую, персидскую поэзию. Автор поэтических сборников. Составитель антологии «Русская поэзия XX века». Организатор встречи русских и грузинских писателей (Тбилиси, 2005).

მეხუთე ელემენტი

დედას ვფიცავარ ვიცი ვინცა ვარ
ცოტა წყალი ვარ ცოტაც მინა ვარ
ცოტა ცეცხლი ვარ ცოტა ჰაერი
ცოტაც ვერცხლი ვარ ოქროსნაირი
ცოტა ლარი ვარ ცოტა დოლარი
დამახურდავებს ყველა მოლარე
ცოტა ბავშვი ვარ კბილებმოცლილი
ყველგან სახლში ვარ ყველგან მოცლილი
დაუნერელი სიტყვა ნაკელი
ცოტა ვერელი ცოტა ვაკელი.

ПЯТЫЙ ЭЛЕМЕНТ

Клянусь, что знаю, кто я есть,
Вода я, но огонь я весь,
Я воздух и земли я горстка,
Я серебро,
Порою просто я самородок золотой.
Мороз я, но порой я зной,

Я доллар, но порой я лари,
Меня и рвали и меняли,
Ребенок я порой беззубый,
Порой мудрец, порой безумец,
Я ненаписанное слово,
Я падал ниц, но не был сломан,
Мой дом везде, всегда я разный,
Я ваш кошмар, но я ваш праздник.

გარდა მამისა
გარდა დედისა
გარდა შვილისა
გარდა ცოლისა
საქართველოში
გარდა ამისა
ტრადიციაა
მხარზე წოლისა

Кроме отца и сына,
И поклоненья маме
В стране моей традиция
Лежания на диване.

Переводы Алика Дарчиашвили

როცა ვნება ჩემ სულს ფარავს
მიუძღვები როგორც მწყემსი
გზააბნეულ სიტყვის ფარას
და ფურცელზე რჩება ლექსი

გულიც რადგან ძნელად ითმენს
ვწერ დილამდე ველარ ვცხრები
და ძალღებად ვხმარობ რითმებს
რომ არ დამეფანტონ ცხვრები

Страсть в душе когда не надо
Как пастух таскаю ноги
Собираю словно стадо
Заблудившиеся слоги

Сердце пишет в страшном ритме
И рассвета не дождется
Как собак гоняю рифмы
Чтобы не распасться овцам

Перевод Нико Гомелаური

სტურუა პია

Родилась в 1939 г. Поэт. Окончила филологический факультет Тбилисского государственного университета им. Ив. Джавахишвили. Защитила диссертацию на тему «Художественная функция цвета в поэзии Галактиона Табидзе». Читала лекции по истории современной грузинской литературы, была сотрудником института литературы, заместителем председателя Комитета по государственным премиям. В настоящее время литературный консультант в Доме-музее Г.Табидзе. Первая книга стихов вышла в свет в 1965 году. Автор четырнадцати поэтических сборников. Участник многочисленных поэтических фестивалей. Лауреат премии им. Галактиона Табидзе и Государственной премии им. Шота Руставели.

მოლოდინი

ყინულის ხეებს ვეჯავრები მთელი ზამთარი,
თავახდელ სახლში დადის ქარი და მე ვარ მარტო.
სინათლეს, სიტბოს, შაქრის სიტკბოს ამაოდ
ვნატრობ,
რადგანაც ახლა მარილია მათზე მართალი.

მისი სიმკვეთრე ყელს მიკანრავს და სიტყვას
მისპობს,
თეთრი ნაბიჯით მოდის დედა და სხვა ლანდები.
არავინ მიცდის, არსად აღარ მაგვიანდება,
ჩემი ქალაქი დაიფარა უვადო ნისლით,

რომელიც რძიდან თუ ამოჰყავს ბინდით მოვაჭრეს
და ტყუილია ეს სითეთრე, მხოლოდ ლიბრია,
ბოროტი ცდაა, დაგვიმალოს შავი დღეები,

თუ ფანტაზია კიბოსავით არ ამოგვაჭრეს,
არ დაუჯეროთ არავითარ სიმართლეს, ვიდრე,
ქალაქში თეთრად არ შემოვლენ ნუშის ხეები!

ОЖИДАНИЕ

Всю зиму деревья меня ненавидят.
Напрасно я брежу зеленым теплом.
Одна я. И сахара сладкий апломб
Мне гадок, а соли святое наитье

Царапает горло. И слово гранитом
Надгробным молчит. И пронизан мой дом
Бессрочным туманом и ветреным льдом.
В нем белый шаг мамы над вазой разбитой.

В нем тени другие, забытые мной,
И черного города облик иной:
По узенькой улочке, солнцем облитой,
Идешь ты. И белый миндаль за спиной.

რა სიმშვიდეა და დღეები როგორ მიდიან,
ომეზის მერე რა ტკბილია თაფლი სიზანტის,
მზისგან და რძისგან ხავერდით ფაფას ვიმზადებ,
არა შავად და შემზარავად, ლურჯად ბინდდება.

და როგორ მინდა, შევარბილო მწარე სიმართლე,
ჩავალბო რძეში უვარგისი, ხმელი პურივით,
რადგანაც აღარ შემიძლია იმის ყურება,
პირში რომ სიტყვას მიკლავენ და თვალში
სინათლეს.

იჭერენ კაიფს, მაგრამ ჩემი არ ესმით მაინც.
რა ოქროს წყალი, რა წახნაგი მასხვავებს მათგან,
რომ კიდევ რაღაც მენატრება ამ შავ ქაოსში?

ვინმეს მოჰქონდეს მლაშე ყველი და ტკბილი ჩაი,
მე კი ვიჯდე და არა ნერვებაწეწილ კაფკას,
ვარდების შუქზე ვკითხულობდე «ვეფხისტყაოსანს

Как сладок лени мед в конце войны!
Им приправляю бархатную кашу
Из молока и солнца в синей чаше
Прозрачных сумерек моей вины.

И правду, горькую, как черствый хлеб,
В ней размочив, старательно глотаю.
И, онемев, отчаянно латаю
Прорехами зияющий рассвет.

Но ваши похвалы – все та же брань.
Бог мой, какая золотая грань
Меня от прочих смертных отличает?

И вновь меня спасает терпкость чая –
Овечий сыр, просоленный насквозь
И «Витязь» мой при свете красных роз.

ლექსი სარკეში

არ შეიძლება ლექსს არგუნო ყოფითი ბოლო,
ანდა სონეტი დაამგვანო უბრალო ნარკვევს,
მას, როგორც ნარგიზს, უნდა ედგას მდინარის
სარკე
და საკუთარი სილამაზით ტკბებოდეს მხოლოდ.

ნარნარა ბგერებს გაამკვეთრებს ნატიფი ხაზი,
ხოლო ფერ-ხორცი თეთრ-წითელი, რუსთაველური,
მე მირჩევნია მშვენიერი ვიყო, ველური,
ან უხიაგი, ვიდრე მონა საერთო აზრის,

რომლის მიხედვით იკრიჭება ჯოგი და ფარა,
მატყლის ქულებით რომ დაფარონ ღია ჭრილობა,
მერე სიხარბით შეიცვალოს ხელგაშლილობა

და ანგარებით – ველად გაჭრა და გადარევა,
სიცხეს უხდება მოყვითალო ფერის ჭილოფი,
მარტო დავრჩები და ლექსები შემოყვარებენ ...

СОНЕТ В ЗЕРКАЛЕ

Стих – это не изображение жизни.
Сонет – не очерк. Он, скорей, Нарцисс!
Ему нужна река с течением вниз.
И отражение – предтеча тризны.

К кому прикован насмерть ты любовью,
Сонет мой? Чья коварная рука
Невыносимый облик двойника
Так утонченно заострила болью?

И, погубив, бессмертие дала.
Кого скрывают гладью зеркала?
Кто так прекрасно дик, так щедро вечен?

Скажи, чьи это худенькие плечи
Противу мненья общего стоят?
Храни нас Бог!.. Я вижу – это я.

Перевод Марии Фарги

ПИТВИНОВА Наталия

ДАНИЯ

Родилась в 1961 г. Поэт. Окончила филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. С 1989 г. живет в Дании. Преподает родной язык и литературу, читает цикл лекций по истории русской культуры при Российском центре науки и культуры. Член редколлегии журнала «Новый Берег». Стихи и статьи публиковались в журналах «Нева», «Дружба народов» (Россия), «Русский клуб» (Грузия), «Люблю!» (Латвия), в газетах «Русская мысль» (Франция), «Словесность» (Израиль) и др.

ФИНЕЙ – ЯЗОНУ

Туда, за Геллеспонт бурливый,
Вослед кровавоклювому орлу
Летит корабль по воле прихотливой
Любви и власти. Обратит в золу
Союз подобный плоть и душу.
Обручник смерти, верен ей
Ты будешь до скончанья дней,
Когда на диком берегу
Твой остов Гелиос иссушит.
И ищет нового слугу
Фессалия – и не находит.
А подвиг твой, герой, бесплоден.

14 апреля 2009

МЕДЕЯ. ЖАЖДА

Не остров – острый остов корабля,
И бездна под ребром, а не земля,
И гребни волн вздымают челн впотьмах,

И рыбьего хвоста смертелен взмах.
Ты – Водолей. Вода твоя горька
И солона. И, о глотке моля,
Я выроню кувшин для молока.

Не остров – даже горсть золы в руке,
И та – надежнее волны в реке,
Вливающейся в черный океан,
Чья безмятежность – гибельный обман.
Я – Лев. Моя стихия – жар степей,
Где солнца шар, не пойманный никем,
Шипя, в колодец канет – хочешь, пей!

Не остров – отрок в млечной глубине,
Отрыв от яви, ямба плач извне
Манят, и дразнят, и влекут, и пьют
Приправленную солью жизнь мою.
И чья ладонь, соломинка, змея
Протянутся из небыли ко мне?
Язон не вздрогнул на корме, смеясь.

25-27 апреля 2005

КАТУЛЛУ – В ВИФИНИЮ

Кипарисов глухая стена – дыбом:
Там навеки нашел покой брат твой.
В метрополию рвешься немой рыбой,
Чей плавник отхватили тупой бритвой.

Ты в Вифинии нажил мешок скорби,
Паутиной осенней сундук полон.
Непосильным бездельем с утра сгорблен,
Звук гекзаметра гасят – поддых – волны.

...Славен претор разбоем – тебе ль разве
На него равняться, забыв песни?
Он в приписках мастак, но как червь развит –
Вот и строки указов его – ЧТО весят?

В услуженье у власти земной – ты ли?
Поклонись лучше деве своей – Музе!
Та не будет с другими блудить или
Загонять тебя в пропасть – как шар в лузу.

Закажи-ка папирус себе светлый
Да вина – вот отметим твою встречу!
Под ногами листвой шелестит ветер,
Задремав на губах золотой речью.

Что нам, право, кровавых богатств бойня?
Пусть у Цезаря ноги болят: к бриттам
Отправляясь за оловом! На кой ляд
Нам те цацки: не больше от них ритма,

Чем от брани сенатской! Давай все же
Лучше выпьем за долгую жизнь виршей:
Хоть мы пишем сдирая до жил кожу –
Оболочка истлеет в земле рыжей.

Час ухода во тьму не прозреть – точно.
Возвращайся скорей с берегов дальних!
Лучше, друже, в Вероне поставь точку –
Да на свитке, а не на костях игральных.

6 октября 2004

ИЗГНАННИК

Ну, вот и снег. И в шубу облаков
Закутался плотнее Орион,
И Рождеству к лицу густой покров,
И хвойной стражей хутор окружен,
И глуше треск встревоженных сорок,
И медленней столетия текут,
И мнится: не отмерен еще срок
Изгнаннику, что музу славит тут.

20 февраля 2009

МАРКИШ Давид

ИЗРАИЛЬ

Родился в 1938 г. в семье классика еврейской литературы Переца Маркиша. Писатель, переводчик. В 1952 г. его отец был расстрелян. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького (Москва) и Высшие курсы сценаристов и режиссеров кино (Москва).

Первые литературные публикации относятся к 1958 г. В 1972 г. переехал в Израиль. Автор романов, переведенных на многие языки мира. Удостоен семи израильских литературных премий, премии Британской книжной лиги, Международной литературной премии Украины и Грузинской литературной премии им. Вано Мачабели.

Учредитель и заместитель председателя правления МФРП.

Официальный представитель МФРП в Израиле.

МОЙ ВРАГ КОШКА

Я люблю вспоминать эту историю.

Мне было восемнадцать лет, я сторожил тогда дачу километрах в ста от Тбилиси, в малой кахетинской деревушке. Деревушка эта насчитывала восемь дворов, семь из которых были пусты – наступала осень, хозяева вернулись в город. Я мечтал о собственном столе для своих писаний и поселился в восьмом.

Вечно пыльная, выстланная мелкими, остроугольными камешками дорога выпрыгивала к деревушке из низины. Там, внизу, развалилась среди невысоких круглых холмов, похожих на перевернутые миски, татарская деревня Уджарма. Как раз незадолго до моего приезда в Уджарме убили заезжего таксиста и содрали с его машины скаты.

- Ты смотри за скатами, - наставлял меня хозяин дачи, мой наниматель. – Скаты где возьмешь?

Во дворе дачи, которую мне предстояло охранять, стоял виллис военных времен, не на ходу. В лучшем случае с этой штукой могли бы играть дети: крутить баранку и галдеть,

подражая шуму мотора и сигналу сирены. Виллис был мертв, и скаты его были сбиты до корда.

Дача оказалась пуста – хоть шаром покати. Глинобитный домик состоял из двух комнат, дверь в первую открывалась прямо с улицы. Растрескавшаяся каменная печь сильно чадила. И черные, лакированные, похожие на семечки подсолнечника тараканы спасались от чада во второй комнате. Чтобы оградить себя от этих назойливых насекомых, я лег спать в большое цинковое корыто для стирки, с высокими бортами.

Я рассчитывал перезимовать на этой даче. Денег за службу хозяин, правда, не сулил, но зато выдал мне одностволку с запасом пороха и дроби и пообещал подкинуть крупы, сахара и постного масла.

Хозяин обманул меня.

Деревня моя была окружена негустым лесом. Деревья неторопливо спускались к прозрачной, мелкой речушке Иори – из этой речушки я таскал домой воду. Без спешки, хозяйски обследовав весь дом, я обнаружил в чулане немного прогорклого подсолнечного масла, ведро картошки и черные сухари. Сухари были свалены в угол. Этого было достаточно, чтобы не умереть с голода, но я хотел мяса. На завтра я взял ружье и ушел в лес.

В лесу жили вороны и дрозды. Лес, населенный этими птицами, был прекрасен. Он менялся день ото дня – осень обрабатывала его мягко, но неумолимо. Однажды утром я обнаружил, что круглые кусты с твердыми листочками за ночь стали из темно-зеленых розовыми. Они росли порознь на склонах гор и горели теперь, как розовые лампы. Потом они стали красными. Потом желтыми. А потом коричневыми. Изменяли окраску и другие кусты и деревья. Постепенно лес стал пестр, как лоскутное одеяло.

Лес был прекрасен. Я не курил в лесу, потому что мне

казалось, что табачный дым нарушает удивительную гармонию осеннего леса. Если бы я был лесом, мне, наверно, был бы противен и оскорбителен вид и запах табачного дыма.

Я не курил, но стрелял. За день я убивал двух-трех дроздов и вечером жарил их на сковородке вместе с картошкой.

Мне было удивительно хорошо одному. Я заботился о себе. Ложась вечером в свое корыто, я аккуратно упаковывал себя в старое ватное пальто и, задув коптилку, лежал тихо и неподвижно, как мумия. Угревшись, я вспоминал, как укрывала меня одеялом няня, когда я был маленьким, а потом, когда я подрос – мать. Как хорошо они умели это делать! Всего одним движением они укутывали мне ноги одеялом, а потом, разглаживая складки, проводили руками по всему моему телу сверху вниз. Они были нежны ко мне. Когда я стал мужчиной, никому и в голову не приходило вот так поправлять на мне одеяло... Лежа в своем корыте, я жалел о том, что женщины, которые многое позволяли себе со мною, были в свое время так недогадливы.

Утром я задавал хозяйским гусям корм – окаменевшие зерна кукурузы. Которые человеку никак нельзя было использовать. Гусей было полтора десятка, да пяток кур. Куры, по всей видимости, неслись, но где они это делали, оставалось для меня загадкой. Я никак не мог выследить их.

Была еще во дворе собака, сама добывавшая себе пищу, и кошка.

Кошка жила в доме, в первой комнате. Аккуратными, точными движениями подбирая под себя лапки, она устраивалась на печке и сидела там часами, внимательно наблюдая за мной. Она никогда не мурлыкала. Я гладил ее голову, щекотал пальцем под подбородком – она молчала. Я даже уважал ее за эту твердость.

Кошка выходила из дома с опаской – собака уже несколько раз пыталась загрызть ее. Через час-полтора кошка

возвращалась и вспрыгивала на печку. Похоже было, что кошка ходила на прогулку. Ей жилось хорошо, кошке. Само собой получилось, что она стала моей иждивенкой.

Мышей она не ловила. По крайней мере, я ни разу не застал ее за этим занятием. Однако она была толста и грязна, и шерсть ее давным-давно свалялась в колтуны и утратила блеск. Кошка никогда не умывалась.

Она была очень прожорлива. Вечером, за ужином, она получала от меня немного картошки и дроздиные кишки. Она поедала все это рыча, не спуская с меня глаз, а потом выгребала из ведра перья, грызла их и глотала. Я сам никогда не давал ей перьев.

После ужина я ложился спать в свое корыто. Перед тем, как заснуть, я думал теперь и о том, отчего кошка так толста. Действительно, отчего, черт возьми?.. Я думал о кошке с большой неприязнью.

В тот день я убил только двух дроздов. Одного я оципал и бросил на сковородку, а другого оставил на потом. С утра этого дня выпал первый снежок, и картошка кончилась, и мутного масла осталось в бутылке на самом донышке. Все это очень беспокоило меня.

Кошка сидела на своем месте, на печке. Я бросил ей кишки, и она, рыча, проглотила их. Кажется, она рычала в этот вечер особенно громко. Поев, она не вспрыгнула обратно на печку, как обычно. На согнутых лапах она мягко передвигалась по комнате и, глядя на меня, продолжала рычать.

Я ел своего дрозда и краем глаза все время глядел на кошку – мне казалось, что она вот-вот прыгнет на меня. Она, в сущности, не давала мне есть.

Я топнул ногой об пол и крикнул что-то вроде «Эй!» или «Ай!». Кошка не убегала. Она только на мгновение замолчала, а потом снова начала нудно, протяжно рычать.

- Пошла ты! – сказал я. – Лови мышей. Я ведь не могу

ловить мышей!

Петляя по комнате, кошка приближалась к моим ногам. «Она, наверно, сбесилась, - подумал я. – Вот проклятая!»

Я ощипал второго дрозда и бросил ей перья. Она сгрызла их, прерывая рычание только тогда, когда глотала. Потом она отползла в угол и продолжала оттуда глядеть на меня. Рычание ее бесило меня – она это делала на одной ноте, на выдохе.

«Ты хочешь есть, - думал я. – Я тоже. Я тебя ненавижу».

На улице почти стемнело, на выбеленной стене комнаты резко синел квадрат окна. Ружье, заряженное патроном с нулевой дробью, стояло в углу. Огненные зайчики, выскакивая из-за полуприкрытой печной дверцы, карабкались по ружейной ложе с облупившимся кое-где лаком и по синему стволу.

«Как ты можешь столько жрать? – думал я, глядя в глаза кошке. – Ты же видишь, черт возьми, что я сам еле свожу концы с концами. Я тебя изобью и выброшу вон».

Я думал медленно и старательно, составляя фразы, словно бы говорил с кошкой вслух.

Кошка рычала из своего угла, и глаза ее светились.

Не соображая толком, что делаю, я схватил ощипанного назавтра дрозда и бросил в угол. Кошка, не спуская с меня глаз, подползла к птице и проглотила ее почти не жуя, вместе с кишками.

Пока она ела, я совсем успокоился. Я молча сидел на табуретке, положив руки на колени. «Сколько она может съесть? – думал я. – Я хочу знать, сколько она может съесть». Я не знал, зачем мне это было нужно, и не задавал себе такого вопроса. Только когда она сожрет дрозда – что бы ей тогда еще дать?

От дрозда не осталось ничего, - только темное, сырое пятно на дощатом полу. Брюхо кошки заметно раздулось. Она теперь не шла в угол. Прижавшись к полу, вытянув лапы,

она глядела на меня и рычала. Не подымаясь с табуретки, я слегка ударил ее ногой. Она отползла на несколько шагов и зарычала громче и требовательней. Машинально, как лунатик, я придвинул к себе растрескавшийся черный сухарь. Когда-то это была цельная горбушка буханки. На сухарь я вылил остатки растительного масла и держал бутылку горлышком вниз до тех пор, пока не перестало капать.

Больше у меня не было ничего, - ни картошки, ни масла, ни сухарей.

Я был почти уверен, что кошка не станет грызть сухарь. Я никогда в жизни не видал, чтобы кошки грызли черные сухари.

Кошка принялась за сухарь с тою же жадностью, с какою уничтожила дрозда. Ей, видно, было уже все равно, что есть. Она совсем озверела и рычала не переставая, почти задыхаясь от своего рычания.

Я смотрел на ее работу, как посторонний наблюдатель. Наконец, хруст прекратился. Кошка смотрела на меня. Она почти охрипла.

- Ты мой враг, - сказал я негромко, ударяя в такт каждому слову указательным пальцем по столешнице.

Потом я медленно поднялся с табуретки и прошел мимо кошки к ружью. Поворачивая голову, кошка следила за мной. Ложа ружья сильно нагрелась от печного жара.

- Выходи, - сказал я кошке и открыл дверь. На всякий случай я следил, чтобы кошка не проскочила во вторую комнату.

Пятясь, она выползла за порог и вдруг резко, с места вспрыгнула на глиняный забор. Я вскинул ружье и выстрелил.

Она была моим врагом, кошка, и я убил ее.

И я не жалею об этом.

АПЛЕВА Аннелиза

ИТАЛИЯ

Родилась в 1956 г. Поэт, эссеист, переводчик. Автор семи поэтических сборников. Стихи публиковались в журнале «Звезда». Целиком перевела на итальянский прозу А.Пушкина, «Анну Каренину» Л.Толстого, выпустила антологию русской современной поэзии и прозы. Занимается литературным анализом произведений А.Пушкина, М.Цветаевой, И.Бродского, Б.Рыжего. С 2004 по 2007 гг. преподавала литературный перевод с русского языка в Первом Римском университете. Стихи переведены на многие языки мира.

У меня в душе — радиола на всю катушку.
Я кружу по городу, звуковую дорожку песен
за собой оставляя. Одну сменяет другая.
Если какая не нравится, нервно переключаю,
пока не найду такую, что мне подходит.
В глубине туннеля звучание тише, глуше.
Не знаю, когда я стою на красном у перехода,
слышны ль отголоски сидящим в соседних
машинах?
Моя же — плотно с обеих сторон закрыта.
Так ищу я прибежища в объятиях друга,
в зрелых его летах, в познаниях многих,
в мудрости, в медленной, но твердой его походке.
Прижимаясь крепко к нему, в теплоте утопая,
становлюсь растерянной, целому миру чуждой,
жаждущей надежного покровительства и опеки,
беззащитной, и неустойчивой, и уязвимой.
Сливаемся мы в ночи, во всем так похожи,
безразличны к шумам, переполнены музыкой
громкой.

* * *

на рассвете является Иосиф
как бывало настроенный обидеть
мы лежим на гостиничной кровати
говорит мне что он понять не может
для чего я пишу стихом свободным
но потом передумав добавляет
что не знает зачем ему такие
мысли странные в голову приходят
знаю я как мучительно терзает
и бывает напорист и навязчив
бросив трубку звонит по новой дома
под замком не колеблясь оставляет
восьмилетнюю девочку болезни
под предлогом режимом излечимой
лишь постельным и блеском переплетов
их она вопрошает что со мною
те внушая доверие глядят на
брызги в воздух из шприца против света
от окна выходящего на площадь
небольшую из школы возвратившись
братья входят в квартиру их портфели
беспощадно летят на покрывало
начинает она вести в зеленой
как такси ткани свой дневник с застёжкой
но ходить разучившуюся ставит
врач как Лазаря на ноги повторно
после снега нельзя играть до мая

Я смеюсь, да, я улыбаюсь
на всех фотографиях, в знак того, что
женственность и мужество на равных

спорили во мне, кто главнее.
Вот сиденье качелей,
на которое сесть и взлететь мне хотелось.
Вот скакалка в широком
размахе подружек, на которой
прыгала я по очереди так отменно,
чутким слухом ловя ее касания оземь.
Вот как всегда в последнем стою ряду,
с краю, чтобы свободной правая оставалась.
Вот в первом третий слева,
в коротких штанах, как и все,
присевший на корточки, а колени
наружу торчат, это и есть Джованни,
который однажды, когда я ему сказала,
что в Луна-парк собираюсь,
спросил меня: «С кем? Со своим отцом?»
Фотографии с зубчатыми краями
превратились в орудия нападения
и защиты. Я вынуждена избавляться
от безмятежной улыбки, в купальнике стоя
под дулом фотоаппарата, направленного
вспышкой своей на мою, светом своим на мой.

Нравилось прежде тебе бывать в окружении
женщин,
ныне на книжной стоишь полке меж Брик и
Бронте.

Переводы Максима Амелина

ПЕТРОВА Александра

Родилась в 1964 г. Поэт. Окончила филологический факультет Тартуского университета. Автор ряда научных работ. С 1998 года живет в Риме. С начала 90-х годов печатается в российской периодике. Автор поэтических сборников и эссе «Линия Отрыва» (1994), «Вид на жительство» (2000), «Altri Fuochi» («Другие огни») (2005) и др. Вошла в шорт-лист Премии Андрея Белого. Стихи переводились на многие языки мира.

Это у моря.
Оно ударяется все сильнее в борта арматуры.
Не уснуть от такой физкультуры,
что качает и без того свинтившуюся судьбу.
И желток сердца скатывается,
грохает туда-сюда, в меня-скорлупу.

Что ж, пусть сломает, сломай ее,
вылупись,
вылети
очертаньем задуманного,
существом на шаре,
я на дне отхлынувшей ночи тебя нашарю,
спотыкаясь взглядом об выступившее на
вылизанном песке,
за тобой заходясь,
где-то летящим,
катящимся
в собственном далеке.

По колдовскому острову брожу.
Случайно вынесло сюда четыре,
пять, шесть, я не помню, лет.

Я их перевожу со словарем,
но кости букв сыпаются в песок,
дробясь в сатурновый неувимый слог.

Чужое солнце проведет резцом морщины,
ты не узнаешь, кто это в воде,
где темное лицо женомужчины
рябит, рассеиваясь в нигде.

Я заблудилась в середине лет,
среди древних слов чешуйчато-крылатых
среди лингвоклонов и химер.

Лишь дальний голос словобрата
в лесу косых лучей
мне приоткроет дверь.

Запутываясь в ветвях, так медленно, по звуко-
карте,
— косяк свободных птиц — ко мне пробьются
первые слова,
и те, что мальчик вырезал на парте
и заключил в ущербленный овал.

Налетайте, ешьте, птицы,
мясо ляжек, икр моих и бедер.
Иногда приходится с самим собой расстаться,
чтоб уйти живым из западни.

Пусть отрезанные части болью сводит,
ты тряпицу ту же затяни.

Я любил здесь. Яблоня, что посадил когда-то,
вся в цветах, гудит от множества шмелей.
Я входил вот в этот дом. И в тот, соседний.
У парадной ждал. Здесь дождь меня застиг.
Здесь губа дрожала от обиды.
Здесь мы целовались. Без конца, взахлеб.

Здесь стоял и слушал, как звучали
музыка и смех из темного окна.
А теперь несите, птицы, то, что вам осталось,
далеко, за дальние края.
Может быть, из вашего помета
упадет сюда какое семя,
где есть тоже часть меня.

ЗЕЙФЕРТ Елена**КАЗАХСТАН**

Родилась в 1973 г. Поэт, прозаик, переводчик, литературовед, литературный критик, журналист, педагог. Доктор филологических наук, доцент. Редактор «Литературной газеты» (приложение «Евразийская муза»). Автор художественных книг «Детские боги», «Прозрачность век», «Малый изборник», «Веснег» и др., а также литературоведческих монографий и учебно-методических пособий. Автор более 150 научных трудов, среди которых монографии и учебные пособия. Лауреат международных литературных конкурсов. Составитель коллективных литературных сборников, главный редактор литературно-художественного альманаха «Дар слова». Председатель и член жюри различных литературных конкурсов в России, Германии, Казахстане. Член редколлегии журнала «AMANAT» (Казахстан), альманаха «Голоса Сибири» (Россия). Корреспондент периодических изданий. На страницах «Deutsche Allgemeine Zeitung» ведет клуб критики «Открытие: мир внутри слова».

ГРУЗИНСКИЙ СЕРПАНТИН

Время впадает в Риони...

Продавщица глиняной посуды
у самой кромки автострады.

Машины наезжают на носки ее кожаных туфель.
Рожденная из глины, она поджигает пальцы.
В туфлях мягкая сухая трава.
Мальчик внутри огромной амфоры для вина.

Время, словно чье-то детство, впадает в Риони...
Возле притока Риони – Дзирулы –
купальня, деревня, дети.

Спонтанные базарчики
с глиняной посудой
столь доверчивы
в своем движении вплотную к дороге...

Сила молчания
в хрупкости слова.
Лаконический язык глины
короток,
его не взять голыми руками,
не задеть пристальным взглядом.

Слабость в движении.
Лаконический язык глины
ритмичен.
Как приливы и миражи,
базарчики притекают к дороге,
и проезжие разносят их по частичкам —
прилипшую к руке фигурку,
встретившуюся взглядом чашку.

Свечевидные кипарисы
созданы для того,
чтобы поднять голову к их вершинам
и удивиться необъятности неба.
«Надо же!»

Земля Грузии плодородна.
Стихи здесь рождаются, как орехи и лимоны...
Скорлупа и кожура на них прозрачны.
Ядра и мякоть – тоже.

ГРУЗИНСКИЙ ТАНЕЦ. ОН И ОНА

Между ними нет даже воздуха,
хоть и поодаль друг от друга
живут их лица, плечи, руки...

Девушка – белое вино в закупоренной бутылке.
Мужчина – патронташ.

Они свободно дышат воздухом между его
ладонями,
которые он поглаживает одна о другую.

Она тихонько превращается в фарфоровый
памятник страсти,
пока узкий сапог его обнимает голень.

Виток за витком
идет черновая работа Бога.
Люди становятся похожи на горы,
горы на ветер.

Пока не остановишь взгляд внутри себя,
ты вертишься волчком.

Но Бог несет тебя по серпантину.
Тебе решать – стать человеком, горой или ветром.
Несомым.
Несущим.
Не сущим.

КОБРИН Юрий

ЛИТВА

Родился в 1943 г. Поэт. Академик Европейской
академии естественных наук

(Германия, Ганновер), Заслуженный деятель искусств Российской Федерации. Кавалер ордена Великого князя Литовского Гядиминаса и ордена Дружбы. Международным обществом пушкинистов (Нью-Йорк) ему присвоено звание «Поэт 2007 года русского зарубежья». Автор одиннадцати сборников стихов и тринадцати книг переводов литовской поэзии. Вел мастер-класс в Вильнюсском университете, печатался в журналах «Юность», «Новый мир», «Дружба народов», «Смена», «Вильнюс», «Литературной газете». С 1973 года был членом Союза писателей СССР. Член Союза писателей Литвы, член Союза российских писателей, член Союза писателей Москвы. Член Союза журналистов Москвы. Учредитель и заместитель председателя правления МФРП. Официальный представитель МФРП в Литве.

ПРОЩАНИЕ С ВЕКОМ

*Nullus diabolus – nullus Redemptor**

Двадцатый век, как подлый мент,
наотмашь бьет в поддых, в натуру.
И водку пьет интеллигент –
свидетель кризиса культуры.
Запикассил и задалил,
заленинил век мозг до дури,
и Серафим свои шесть крыл
сложил де-факто и де-юре.
А был же, был вишневый сад!
И небо грезилось в алмазах.
И всяк обманываться рад
готов с рождения был сразу.
К чему привел дивертисмент
смен вех, пустивших жизнь по кругу,
врачу расскажет пациент,

задвинувший природу в угол,
где черный властвует квадрат,
усатится страна рябая,
которой правят наугад,
то подлецы, то краснобаи
И водку пьет интеллигент.
Его стакан своим не мерьте!
Лишь ощутите на момент:
Культура – отношение к смерти.
На овидь смотрит Серафим...
И ветви сада содрогнулись,
и звезды застит серый дым,
когда я с губ роняю:
– Nullus.
Коль нету дьявола, тогда
поверь, что и Redemptor nullus.
Душа босая, будь тверда,
когда твердят, что ты рехнулась.
А то, что пьет интеллигент, –
он все ж трезвее недоумка!..
И век, разжалованный мент,
на «посошок» покланчит рюмку.

* Нет дьявола – нет и Спасителя (лат.)

ИТОГИ

Что знали люди
при коммунизме?
Бесстрашье в смерти
и трусость в жизни.
При наступившем
капитализме
остатки совести
мыши сгрызли.

ПРОЩАЛЬНЫЙ РОМАНС

В Саду молодежи на ветке рябины,
 удравший из клетки, сидит попугай.
 Прижавшись к плечу, мне шепнула: «Любимый,
 ты птицы диковинной не пугай».
 ... а снег замедляет бывшее порошей
 и застит глаза ледяною крупой.
 «Ар-р-оша хор-роший... Ар-роша хор-роший...»
 Он желто-зеленый и голубой!
 Сидит попугай, в леденец превращаясь,
 некомнатный воздух сквозит над рекой...
 И я ухожу от тебя, не прощаясь,
 мы разной породы птицы с тобой.
 Горчит в подъязычье застывшее слово,
 гортань вымерзает у соловья!
 Прости, ларинголог, за то, что сурово
 все раны лечу давно солью я.
 Плечо отведу и уйду от любимой,
 к чему мне диковинный попугай?
 Отдай на прощанье гроздь мерзлой рябины,
 сказав: «До свиданья, – подумай, – прощай...»
 Вороны летают в Саду молодежи.
 По ком этот стон и по ком этот грей?
 Сторонний прохожий, я все подытожил.
 Что смотришь? Давай-ка отсюда шагай...
 Страна дорогая, притихла ты, что же?
 Не строятся замки на зыбком песке...
 Снежинка слезою стекает по коже,
 и больно на русском молчать языке.

ПОСЛЕДНИЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ

Необъятная родина стала объятной, –
поубавилось тела с толикой ума...
Митинговый придурок со страстью невнятной,
исказив, шпарит Блока: «Мы – скифы, нас – тьма».

Истощились запасы лучистых энергий,
снова дегтем запахло, вонючей махрой...
И кого, для чего, почему мы низвергли
не ответит никто «там в дали, за рекой».

Скребанешь это тело – сплошная короста,
зуд срывания корок ведет в желтый дом...
До сих пор тлеют белые кости в Замостье,
в небеса догрозились дурным кулаком.

Озираясь своей азиатскою рожей,
подмигнули Европе, познавшей закат.
Что ж, Ха-Ха, ты в очко проигрался, похоже,
нас отдав XXI-ому веку в заклад.

Над двухтысячным годом в крови плащаница,
не актер, – третий Рим погибает всерьез.
Тэмпус фугит*, – и в кляксах пустая страница,
втопан в грязь каблуком белый венчик из роз.

* Время проходит (лат.)

АМЕЛИН Максим

РОССИЯ

Родился в 1970 г. Поэт, переводчик. Окончил коммерческий колледж. Учился в Литературном институте им. А.М. Горького. Стихи печатались в журналах «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Арион» и др. Автор трех книг стихов, переводчик античной поэзии.

Автор статей о русских поэтах и ряда эссе о поэзии. Лауреат премии «Антибукер», премии журнала «Новый мир», поэтической премии «Anthologia» и большой внутрицеховой поэтической премии «Московский счет». Стихи переводились на многие языки мира.

Долго ты пролежала в земле, праздная,
бесполезная, и наконец пробил
час, — очнулась от сна, подняла голову
тяжкую, распрямила хребет косный,

затрещали, хрустя, позвонки — молнии
разновидные, смертному гром страшный
грянул, гордые вдруг небеса дрогнули,
крупный град рассыпая камней облых,

превращающихся на лету в острые
вытянутые капли, сродни зернам,
жаждущим прорасти все равно, чем бы ни
прорастать: изумрудной травой или

карим лесом, еще ли какой порослью
частой. — Ты пролежала в земле долго,
праздная, бесполезная, но — вот оно,
честно коего ты дождалась, время, —

ибо лучше проспать, суетой брезгуя,
беспробудно, недвижно свой век краткий,
чем шагами во тьме заблуждать мелкими
по ребристой поверхности на ощупь,

изредка спотыкаться, смеясь весело,
проповедуя: «Все хорошо, славно!» —
потому-то тебя и зовут, имени
подлинного не зная, рекой — речью.

Цветам рассказывай, — они тебя поймут, —
и птицам жалуйся текучим,
неразрешимыми сомнениями мучим,
от внутренних и внешних смут
стремясь избавиться, — но тщетно:
выспрь пепел пламенный выпрастывает Этна.
Восторг неведомой доселе высоты,
освобождение — вольготы!
Но птиц с обугленными крыльями полеты,
но помертвевшие цветы,
безмолвно до корней сгорая,
не предвещают ни чистилища, ни рая.

Миф о Париже больше, чем сам Париж,
красочней, звонче, вкусней, ароматней, глаже,
глубже кладбищ подземных и выше крыш, —
безвозвратно утраченный — для продажи

выставленного, сравнительных степеней,
сам убедился, подлинник хуже списка,

мельче, невзрачней, выхолощенной, бедней, —
нет ничего похожего, даже близко,

как ни гляди, с орлиной ли высоты,
с плоскости ль человеческой, еще ль откуда,
чем свет Старый и Новый пленялись, ты
не увидишь, — ни жизни, ни сна, ни чуда:

Музы слепы, глух и нем Аполлон,
провокой Пегас оплетен паучьей, —
хватит с него четверок, со всех сторон
вкопанных на перекрестке нищих созвучий.

ВАСИЛЕВСКИЙ Андрей

Родился в 1955 г. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького (1985, поэтический семинар Евгения Винокурова). С 1976 года сотрудник журнала «Новый мир», с 1990 года – ответственный секретарь журнала, с марта 1998 года – главный редактор. С 1976 года выступает как литературный критик на страницах самых разных периодических изданий. Наибольшая журналистская активность приходилась на конец 80-х – начало 90-х годов. Недавние поэтические публикации – в журналах «Новый мир», «Арион», «ШО» (Киев). Координатор литературной премии имени Юрия Казакова за лучший рассказ года. Член жюри фантастической премии «Портал» (2009, Киев) и некоторых других литературных премий. С 2002 года ведет семинар поэзии в Литературном институте.

полвека прожил среди людей
своих и в стране своей
а это другое время
не мое и не для меня
это другое племя
и не моя родня
как болит моя голова
от халявного коньяка
день и ночь шумит не моя москва
Хищник смотрит на Чужого Чужой на Хищника

[март]

в сумерках выйду одерну пиджак
рыжий по снегу крадется кошак

кто там в потемках меня стережет
мертвая кошка меня бережет

в мире подземном там а не тут
как мою мертвую кошку зовут

но не вмещает сознание мое
новое страшное имя ее

Не стелют, как прежде, скатерть с кистями,
Но те же в окне кактусы и герани.

Воздух в Москве пронизан беспроводными сетями.
Поздний Гандлевский нравится мне больше, чем
ранний.

ЕРМАКОВА Ирина

Родилась в 1951 г. Поэт, переводчик, эссеист. Окончила Московский институт инженеров транспорта по специальности «Мосты и тоннели». Автор пяти книг стихов, нескольких литературных мистификаций и многочисленных публикаций в журналах «Арион», «Вестник Европы», «Октябрь», «Новый мир», «Дружба народов», «Знамя» и др. Участник многих международных поэтических фестивалей и конгрессов. Член Союза писателей Москвы. Член Русского ПЕН-центра. Стихи переведены на многие языки мира. Лауреат премий журналов «Арион» и «Октябрь», поэтической премии «Anthologia» и внутрицеховой поэтической премии «Московский счет», международной итальянской премии «ЛеричиПеа» («LericiPea»).

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Я никогда не умру
Ты никогда не умрешь
Мечется фиговый лист на ветру
В райском саду дождь

Кущи раскисли насквозь
Грузная ветка скрипит
Женская глупость не повод для слез
Спи человек спи

Спи

Это яблочный спас
Брызги звенят по листьям
Что бы потом ни наврали про нас
Чистая правда Адам

Струи змеятся шипят
Слаще познания — ложь
В ребрах расплавленный яблочный яд
В райском саду дрожь

В райском саду гром
В небе горят провода
Яблоня выгнулась над шалашом
Ты не умрешь никогда

АРГУС. ДЕКАБРЬ

Вечно рифмуемый с августом, зимний ты мой,
густо во все глаза стерегущий сон,
шерстью до самых глаз заросший глухой,
словно травой на юге заречный склон
...где-то на юге праздничном, где тепло,
где не проходит август, гудят костры
на берегу Арагвы или Куры —
сторож, не спи! — замерзнешь, все замело
снегом — а там, а в августе, на траве
пьют мои друзья молодое вино
этого года — видишь? — а здесь, в Москве
снегом, не выпавшим, все занесено.

В августе, Аргус, страстно горит лоза,
там — дальнотзорный мой — вдали за Курой
дым виноградный валкой стоит горой,
мгла над Арагвой, грузная тишина,
может, сидят друзья мои без вина,
или пурга курится и ест глаза?

Хлещет из всех твоих глаз. Ревет поток.
Катятся реки красные между строк.
Многоочитый мой, горяча волна.
Это восьмого года вино, браток.

Отсутствие метафор видит Бог.
Он всякое безрыбье примечает.
Листая, Он скучает между строк,
А то и вовсе строк не различает.

Но если лыком шитая строка
Нечаянно прозрачно-глубока,
Ныряет Бог и говорит: «Спасибо».
Он как Читатель ей сулит века
И понимает автора как Рыба.

ЗОЛОТАРЕВА Анна

Родилась в 1978 г. Поэт, переводчик. Окончила психологический факультет Хабаровского государственного института искусств и культуры. Училась в Литературном институте им. А.М. Горького.

Состояла в Дальневосточной Академии Зауми (ДВАЗ). Автор двух поэтических книг, изданных вместе с Еленой Кругловой.

Публиковалась в журналах и антологиях «Октябрь», «Футурум-Арт», «Журнал ПОэтов», «Дружба народов», «Новый мир», «Кольцо 'А'», «Черный квадрат», «АЗ», «Пролог». Участник фестивалей: IV Международный Биеннале Поэтов (Москва, 2007) и Международный форум стран СНГ «Перевод: язык и культура» (Армения, 2008).

Не стихи писать а словесной ватой
уши закладывать чтобы не слышать
как суетливо и воровато
мимо меня что-то страшное тащит
время в свою незримую нору...

что б не заметить как в смутную пору
ноябрь роняя декабрь подбирая
город становится мерзлым и грязным
точно мышиный подвал копейка
в канаве девка на выданье в обломе
вот и твержу бормочу бессвязно
все течет
все разрушается
в этом доме...
будет снег ... да еще налей-ка...
и живу не ведая ничего не зная...

.....
отчего же ты обмираешь молчишь
да и мысли твои не в склад не в лад? –

оттого что я этого века боюсь
всепроникающего зверька —
волкодав уж давно превратился в мышь
ненасытен стал неприметен и шустр
лишь глаза в темноте из норы горят
не мигая как два уголька...

И море встало за окном —
и мир, и мрак, и мор, и морок,
в уснувший дом за пыльной шторой
мерцающим кося зрачком...

И море встало за окном —
мраз, марево, и мощь, и малость,
сняв горечь, что со дня осталась,
с уст спящих жестким языком...

И море встало за окном —
то море — миг, и месть, и милость,
и мука, и, войдя, склонилось
к ребенку памятью и сном...

И море встало за окном...
накрыв собой деревья, крыши,
покуда спят, покуда слышат,
как волны плещутся о дом.

* * *

бродит осень смертью тленною смердя
каждый в холоде и старец и дитя
в осень каждый к смерти близок недалек

раздувает жизни жалкий уголек
где-то я стою наверно где-то ты
ничего не разглядеть от красоты
здесь такая красота — слепит слова
все на ощупь нужно снова познавать

заводи меня часы мои тик-так
каждый в тлении и мудр и дурак
всякий осенью и нежен и жесток
все в падении к земле летит листок

как всегда в меня входя меня меняй
сохраняй когда выходишь из меня
потрясай взметай смотри меня насквозь
загреби свали сожги залей разбрось

можешь делать все что хочешь — плоть тепла
холод мертв в конце концов пора светла
тонких тканей только грубо не коснись
с высшим духом не смешай телесный низ

ИВАНОВА-ВЕРХОВСКАЯ Елена

Родилась в 1949 г. Поэт. Окончила Московский архитектурный институт. Стихи печатались в «Антологии русской поэзии XX века», в сборнике «Московская Муза», журналах «Юность», «Истоки», «Дружба народов», «Кольцо 'А'». Член МФРП. Член Союза писателей России.

ПО ГРУЗИИ

Маквале Гонашвили

Июль внахлест, а зелень все свежа,
В Колхиду странно добираться не по морю,
Автобус, между склонами зажат,
Ворчит себе, соседней речке вторя...
А берег прост. Подшерстком у песка
Вдоль серой кромки вечереет стадо,
И юность общая так кажется близка,
Что ближе не бывает... и не надо.
Кувшин вина, полна присутствий ночь,
Отодвигая быстрый час рассвета,
И пения уже не превозмочь –
Ах, Грузия, люблю тебя за это,
За трижды позабытое вчера,
За то, что улыбается Маквала...
Не глядя принимала нас Кура,
Когда Москва, не глядя, отпускала.

БАЛЛАДА

Злая толстая соседка
Называлась сукой в ботах,
Материлась очень метко
И ходила на работу.
В спину ей орали дети
Непристойно и глумливо,
И жила одна на свете,
Это было справедливо.
Это было беспощадно
От конца и до начала,
А хотела быть нарядной,
Шапки толстые вязала
И синтетикой скрипела
На неведомых маршрутах
И зверела так зверела,
Что сильнее нельзя как будто.
Память маленькую детства
Закрутила бигудями,
Может быть болело сердце,
Может, плакала ночами...
А потом она пропала,
Сгнула, сдалась на милость
Площади, где три вокзала,
Поезду, куда садилась...
И уехала, не глядя,
На могилку к маме с тятьей
В ту деревню, в лес да в осень,
В мир, что выманил и бросил.

Март 2009

Страх любви – это самый последний урок
За пределами всех расписаний,
Я не знаю ответа и тянет звонок
Передышку, как смерть под часами.

Отступает один и выходит другой,
И рукав у рубашки закатан,
День качает пустою своей головой,
Разбивая стекло циферблата.

Осыпаются стрелок сухих лепестки,
И себя пожалеть не умея,
Безнадежно и молодо, из-под руки
Смотрит мама, а снимок желтеет.

Я боюсь коридоров, где нет ни души,
Что окликну – боюсь, не ответят.
Страх любви за подкладку надежно зашит,
Как с войны позабытый конвертик.

ИСАЕВА Елена

Родилась в 1966 г. Поэт, драматург. Окончила факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. Автор семи книг стихов, двух книг пьес. Лауреат молодежной премии «Триумф», премии «Действующие лица» (2003), Международного фестиваля Европейского радиовещательного союза «Приз Европы» в Берлине (2004). Участник поэтических фестивалей и фестивалей современной драматургии «Любимовка», «Новая драма», «Документальная драма». Спектакль «Дос.тор» по ее пьесе получил Гран-при «Новой драмы» (2006). Стихи и пьесы переведены на многие языки мира.

Сколько нас, в глухую ночь ныряющих,
Вдруг на звук знакомый обернется!
Этот джаз, в ночной Москве играющий,
Словно «SOS» с «Титаника» несется!

И страна, врывающаяся в кризис,
все равно отчаянно хохочет!
Как из трюма, задыхаясь: «Мы здесь!»,
Так «Ямайка» вырвется из ночи.

Повторится звук легко и чисто,
Остальное все не повторится -
Это знают мальчишки-джазисты,
Это знает рыжая певица!

Гуд бай, май бэби. Поздно. ТЧК.
Нам не хватило места на земле!
У нас походочка - как в море лодочка,
И мы плывем на «Пьяном корабле»!

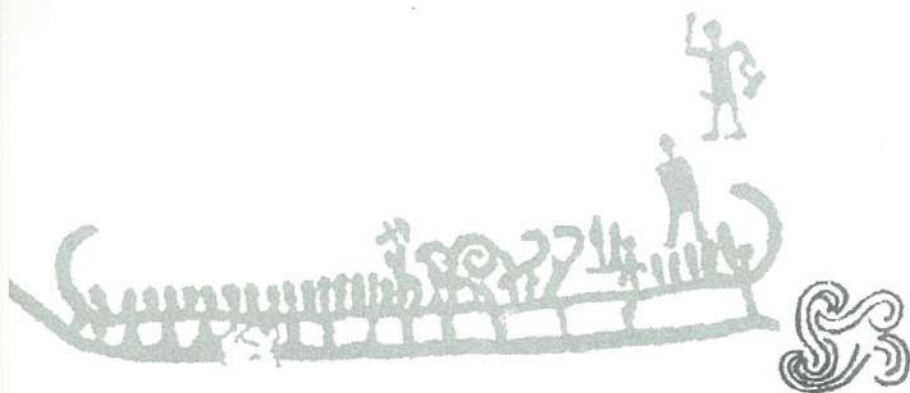
И спасая все, что есть хорошего,
Память вдруг реальность подменила,
И танцуют все вокруг из прошлого -
Те, кого давно похоронила.

Смерть уходит, барной дверью хлопая,
Кларнетист любые лечит раны -
От Стамбула до Константинополя -
Американо... Американо... Американо...

Я в детстве так бежала к маме-папе,
Что, кажется, взлетала над асфальтом!
Они брели, усталые с работы
С какими-то продуктами в авоськах,
И кто-нибудь из них, раскинув руки,
Меня ловил и в небо поднимал.
И этим вот взлетаньем над асфальтом
Я мерила потом свои Любви,
И все они расшиблись об асфальт.
И с мужем, друг о друга расшибаясь,
Как об асфальт, усталые, с работы
Идем, но если сын бежит навстречу,
Его, конечно, поднимаем в небо!

Напьемся кофе с круассанами,
Посибаритствуем немножко.
Дыша духами и туманами
В кафе присядем у окошка.
Заставим пристально прищуриться

Мужчину. Он вполне печален.
Он курит и слегка сутулится.
Пока не подошел - отчалим.
К ногам приникнет кошка - брысь ее! -
Ведь мы в загадочность одеты!..
Ну, вот и выполнена миссия
По вдохновлению поэта.

КВИЖИНАДЗЕ Заур

Родился в 1938 г. Поэт, драматург, поэт-песенник. Окончил МГУ им. М.В. Ломоносова. Член Союза театральных деятелей России. Автор нескольких детских пьес и инсценировки «Закон вечности» по роману Н. Думбадзе (в соавторстве с Г. Жордания). Пьесы ставились на сценах театров разных городов мира. Выпустил сборник «Стихи и песни Уходящего Слона». Один из первых целинников. Работал на нефтяных промыслах Западной Сибири, в конструкторском бюро Кутаиси, на грузинском телевидении в Тбилиси. Более десяти лет был литературным редактором Тбилисского русского драматического театра им. А.С. Грибоедова, играл в спектаклях, работал на киностудии «Круг» киноконцерна «Мосфильм» под руководством Рената Давлетьярова и Сергея Соловьева. Снимался в художественных фильмах и сериалах. Старший редактор Программной дирекции телеканала НТВ.

ПЕСНЯ О ТБИЛИСИ

Мой добрый, вечный Тбилисо,
Прекрасный и простой,
Зовет меня, как дивный сон,
Волшебной красотой...
Прими же от детей своих
Осенние цветы...
Вся наша жизнь — счастливый миг,
И есть на свете ты!

Пусть в небе горит звезда
Бесконечной,
Бесконечной красоты!
Мы будем с тобой всегда,
Город вечный,
Город вечный,
Я и ты...

Меня взрастил и воспитал
Ты с самых первых дней.
Ты мне отцом и братом стал,
И нет тебя родней!
Ты – город сбывшейся мечты!
И пусть пройдут года,
Твои проспекты и мосты
Мне дороги всегда...

Ты разбила рюмку, я разбил стакан...
Ты сегодня злая, я сегодня пьян...
Ты кусаешь губы, я смотрю в окно:
Серебристым снегом все замечено...

В синем-синем небе желтая луна...
Перестань сердиться! Я налью вина...
Выпьешь и забудешь про свою печаль,
Тихо слушать будешь, как поет хрусталь...

КЛИМОВА Галина

Родилась в 1947 г. Поэт, переводчик, составитель антологий. Заведующая отделом поэзии журнала «Дружба народов», секретарь Союза писателей Москвы. Автор четырех книг стихов, составитель трех поэтических антологий. С 1998 г. организатор и ведущая литературного салона «Московская муза» в ЦДЛ. Ее стихи переведены на многие славянские языки, а также на голландский, армянский и французский языки. Участница многочисленных поэтических фестивалей в России и за рубежом. Лауреат премии «Венец» (Москва, 2004) и премии «Летящее серебряное перо» международного поэтического фестиваля «Славянские объятья» (Варна, 2007).

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ НОМЕНКЛАТУРА

Каждый четверг в моем детстве был чистым,
женский день в городской бане:
шайка казенная, краны с присвистом,
мылась и мылилась без колебаний,
но вдруг задела пузырек с этикеткой Шипр.
Вдребезги. Скорее в предбанник,
а там орет радио: оккупирован Кипр.

Вот как аукнулось родство названий.

И наша Соня, София – столица где-то,
Феодосия антикой подпирала Крым,
а тетя Августа – как завещанье родным –
остров с золотым месторождением лета.

Вот в чем географическая номенклатура,
я по карте узнала: где гора – там дыра.
И вслепую на контуре нашла фигуру

французского массива Юра.

- Это ж Юрка разлегся у них на диване,
слушает «Вести» под картавый прибой.

Прошибал сквозняком, а местами судьбой,
мой курс географии имен и названий.

23 декабря 2008

В ДОМЕ ПАРАДЖАНОВА

Здесь нет икон. Зато – алтарь.
И – весь кровосмешенье жанров –
с цветком граната Параджанов
из кадра выйдет – бог и царь.

Здесь между потолком и сердцем,
прицелясь –
перистым индейцем, –
наемный ангел... Но простор
нельзя остановить мгновеньем.
Прощен ореховым вареньем
разбитый бабушкин фарфор.

Переходящее – волнами –
свернулось на постели знамя
(тяжелый бархат, золотая нить)
работников культуры профсоюза.
И никого – согреть или укрыть.
А там в тюрьме, на нарах мерзла муза,
«мышинным глазом» вытекла звезда,
и он писал:

я счастлив, что попал сюда.

9 января 2006

КАХЕТИНСКОЕ

Витиеватой памятью лозы
тянулась Алазанская долина,
звнящая, как тело стрекозы
на воздухе, в котором зрели вина.

О, эти зрелища, о, хлебные места,
где выросли – и позабыть не вправе –
Кварели, по соседству – Ахмета,
Киндзмараули, Цицка, Саперави.

Горласто кахетинское вино!

Накатит светоносною лавиной,
и если устоишь, то ты родился глиной,
наверно, в Грузии, и няньку звали Ниной,
святой равноапостольной Нино.

22 марта 2009

НАДЕЕВ Сергей

Родился в 1956 г. Поэт, переводчик. Окончил Волгоградский политехнический институт (1978). Автор нескольких поэтических книг. Печатается как поэт с 1973 г. В начале 1990-х гг. входил в мегагруппу саратовских поэтов «Кокон». В середине 1990-х годов возглавлял издательство «Рандеву-АМ», которое выпустило биографический словарь «Русские писатели 20-го века». Составитель хрестоматии «Шедевры русской поэзии. Вторая половина 20-го века». Член СП СССР, Союза писателей Москвы, Международного союза журналистов, главный редактор газеты «Литературные вести». Переводит грузинских, болгарских, сербских, китайских и армянских поэтов.

Изветшавшая шинелька – этот август обмелевший – мне уже не по плечу,
бесконечно надоевший, словно сбившаяся стелька, стелет жесткую парчу.
Оскудел, поблек, продрался до локтей – куда беднее! – впору плакать и
латать,
стынут стекла в галерее, лист смородины сорвался, исподволь мутнеет гладь.
Вывернешь карманы – пусто. Бредили; брели по кругу с вымыслами и тщетой.
Многое простить друг другу легче стало, как ни грустно, – возраст, видимо,
такой.
Все уже досадно близко: дым ботвы на впалых грядках, тонкий волос
холодов,
расторопность беспорядка, склянки тонущая риска, полотняный лед обнов...
Утром стронешь георгины – обожжешь спросонья кожу, по запястьям птичья
дрожь,
сад еще не влез в рогожу, лепят мокрые холстины, дробью высыплется
дождь.
То и непереносимо, что до одури знакомо, повторяясь искони:
непросохшая солома, горстка ягод, склянка дыма, пепел... – Господи, храни!..

З.К.

Я представил: безлюдное море
Да раскаты приморского парка,
Осмелела волна на Босфоре,
И луны «оловянная марка»;
На пустом остывающем пляже
Парусину зонтов погасили,
Ниже ночь, акватория глаже,
Резче запахи йода и гнили.
Кутай в шаль обожженные плечи,
Это к осени
ночи прохладней:
Задвигаются суетней, резче
Створки жестких надоблачных складней.
Что, родная, мы вновь не готовы
Принимать дорогие подарки –
И для нас эти ночи – суровы,
А широкие звезды – неярки?
Безнадежно сгорают за мысом
Бортовые огни парохода, –
Пыхнет угольным облачком кислым...
О, какая тоска и свобода!
Прячешь руки и плечики ежишь.
Понимая, что сетовать тщетно,
Не проронишь ни слова, и все же,
Отвернувшись, вздохнешь незаметно.

ПУРИН Алексей

Родился в 1955 г. Поэт, эссеист, критик. Автор нескольких книг стихов и эссе. Редактор литературного альманаха «Urbis». Лауреат премий «Северная Пальмира» (1996, 2002) и «Честь и свобода» (1999).

Участник Международного поэтического фестиваля в Роттердаме (2001). Участник сборника «Мост: Молодые поэты Тбилиси и Ленинграда» (Тбилиси, 1990). С 1989 г. заведует отделом поэзии, а с 2002 г. и отделом критики петербургского журнала «Звезда». В 2001 г. в Дордрехте (Голландия) вышла в свет двуязычная книга стихов «De goudvink/Снигирь». Произведения переводились на многие языки мира.

Жил на свете небогатый
русский барин молодой
под летящей белой ватой
и Полярною звездой.

Невысокий, смуглолицый,
резв и волосом черняв,
жил себе, певца Фелицы
лиру звучную приняв.

Путал Геную с Женевой,
дальше Риги не бывал
и с самой Марией Девою,
греховодник, флиртовал.

И сочувствовал он смутам
европейским, нечем крыть.
И прославивший алеутом
все хотел его убить.

И в конце концов от пули
нехорошей умер он —
так, что щеки враз надули
Царь, и Церковь, и Закон.

А потом попы-писаки,
сопричастные Столпам,
порешили: быть во мраке
стервецу, служить чертям:

он-де Богу не молился,
он не ведал-де поста,
не путем-де волочился
он за Матушкой Христа.

Но Пречистая, конечно,
заступилась за него
и впустила в Царство Вечно
златоуста своего.

Придут — и скажут с умилением:
«Возьми, Овидий, этих рыб.
Сродни твоим стихотвореньям
краса их благородных глыб:
как строки дивные — упруги,
и серебро их тяжело.
Мы их добыли среди вьюги,
разбив морозное стекло».

И рослый мальчик краснорожий
украдкой глянет из-за спин
дядьев, укутанных рогожей,

чтоб ты поверил: мир един.
...Мечты! Нет ни метемпсихоза,
ни воздаянья – видит Бог, –
ни слез, ни рыбного обоза,
ни рослых мальчиков, ни строк.

БАТУМ

Пароход нам задумчиво скажет: «Бату-у-ум!»
Мне помимо природных красот
в городке этом нравится вкрадчивый шум –
он лудит, точит ножницы, шьет.

Все распахнуто настежь: отпарить, и сшить
(я таких не видал утюгов!),
и в джезвейке турецкого кофе сварить,
и побрить... Разве рай не таков?

Он таков! А иначе что проку в раю
для поэта, для часовщика?
Дай и там мне, Всевышний, работу мою –
ту, к которой привычна рука.

Пусть сапожник тачает свои сапоги,
а не рыщет как тать по Кремлю.
Все кровавые распри изжить помощи.
И счастливой волны – кораблю.

...Жаль, что в мире реальном Твоем все не так,
как на этом минутном лубке:
и спялят ни за грош, и взорвут за пятак,
и потонет корабль вдалеке.

2007, 2009

СОКОПОВСКАЯ Наталия

Родилась в 1956 г. Прозаик, переводчик. Автор двух прозаических книг (под псевдонимом Наталья Сорбатская). Окончила Литературный институт им. А.М. Горького (семинар Л.А. Озерова и А.Н. Беставашили). После окончания института десять лет жила в Грузии, работала в Главной редакционной коллегии по переводам и литературным взаимосвязям, в издательстве «Мерани». Переводила грузинскую поэзию. В 1992 году вернулась в Санкт-Петербург. С 1993 года работает в издательствах города. Член Союза писателей Санкт-Петербурга и Союза российских писателей. Член творческого союза «Мастера литературного перевода». Член Международного ПЕН-клуба (Русский ПЕН-центр). Переводы включены в сборники известных грузинских поэтов. Автор идеи и координатор уникального совместного российско-грузинского проекта: поэма Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре» (Билингва, подстрочный перевод, обширный комментарий, новые иллюстрации; «Вита Нова», СПб., 2007)

Переводы с грузинского

Отар Чиладзе

Прощай, прощай... Я больше не хочу
ни сладости, ни горечи. Довольно!
Пускай другим склоняется к плечу
лицо луны и ветер сердобольный.
Я за собою прежним дверь закрыл.
Грядущее предстало в свете строгом.
А все, что было, все, чем прежде был,
я, как собаку, бросил за порогом.

Тициан Табидзе

МНЕ ТОЛЬКО СЛЕЗЫ СТАЛИ УТЕШЕНИЕМ

1

Мир, возведенный в муке и тоске,
Непрочен, как песчаный дом у моря.
Я рад бы строить замки на песке,
Удерживает лишь соседство горя.
Всему положен на земле предел.
Вот и мечта, как бабочка, сгорела.
Мне помнится, я счастья хотел...
Но счастье меня не захотело.

2

Я видел — словно бесконечный сад,
Страна моя свое встречала лето.
Пренебрежением своих же чад
Она была наказана за это.
И вот над ней сгустились холода.
И в белый траур облачились горы.
В Риони ропщет подо льдом вода:
Но кто из нас поймет ее укоры.

3

Любовь моя! Ведь ты была со мной!
С тех самых пор, как счет веду лишеньям,
Уже утраты не страшусь иной:
Мне только слезы стали утешеньем.
Я погружаюсь в них, как в водопад.
Я забываюсь в этой жгучей пытке.
Судьба моя, благодарю, я рад:
Ты даже муки даришь мне в избытке.

Джансуг Чарквиани
РЕКА

Жизнь — как белая река,
разрывает ужас ночи,
Я живу еще, пока
вижу блеск ее воочью.
Горе я испил до дна.
Но бессмертен я, покуда
цвета белого вина
мчится пенистое чудо.
Будь, судьба, добрее к ней.
Не препятствуй этой пене
ослепительных страстей,
исступленных откровений.

ШУЛЬПЯКОВ Глеб

Родился в 1971 г. Поэт, критик, переводчик. Окончил факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. Автор книг стихотворений «Щелчок» (2001) и «Желудь» (2007), сборников путевых очерков «Персона Grappa» (2002) и «Дядюшкин сон» (2005). Первый роман «Книга Синана» вышел в 2005 году, второй, «Цунами», в 2008. Автор путеводителя «Коньяк», многочисленных литературных эссе и заметок для московской периодики. Переводил английскую поэзию. Автор пьесы «Пушкин в Америке» (лауреат конкурса «Действующие лица-2005») и «Карлик» (постановка – Театр Маяковского, 2004). Поощрительная премия «Триумф» в области поэзии (2000). Возглавляет литературный журнал «Новая Юность».

кому-то облако во благо,
кому-то темный переход –
бежит бездомная собака,
как будто кто-то ее ждет
из чернозема смотрят окна,
горит под окнами закат –
давно повесил бы замок на
да жалко брошенных щенят

гуди, гуди – мой черный ящик,
на пленку сматывай, пока
мой привередливый заказчик
не обесточил провода –
пока потрескивает сверху
его алмазная игла
я не закрою эту дверку –

мне по душе его игра,
в которой медленно и тускло,
без препинания и шва,
слова прокладывают русло
реки наверх — а жизнь прошла

во мне живет слепой, угрюмый жук;
скрипит в пустой коробке из-под спичек
шершавыми поверхностями штук
хитиновых — и кончиками тычет —
ему со мной нетесно и тепло
годами книгу, набранную брайлем,
читать в кармане старого пальто,
которое давным-давно убрали

моя стена молчит внутри;
на том конце стены горит
фонарь или окно без штор —
отсюда плохо видно, что
я слышу только скрип камней
прижмись ко мне еще плотней
кирпич бормочет кирпичу —
стена молчит, и я молчу

ГРИЦМАН Андрей

США

Родился в 1947 г. Поэт, эссеист, редактор. Окончил 1-й Московский медицинский институт им. И.М. Сеченова. Кандидат медицинских наук.

С 1981 г. живет в США. Публикуется в России с середины 90-х гг. в журналах «Октябрь», «Новый мир», «Арион», «Вестник Европы», «Новая Юность», «Сибирские огни», на сайтах «Вавилон», «Сетевая Словесность», за рубежом: «Новый журнал», «СЛОВО-WORD», «Иерусалимский журнал», «Зарубежные записки», «Крещатик» (Германия) и др. Стихи и эссеистика публикуются в американской и британской периодике. Стихи были включены в антологию «Modern Poetry in Translation» (UK). Окончил литературный факультет Университета Вермонта со степенью магистра искусств по литературе. Автор нескольких книг стихов и эссе на русском и английском языках. Организатор и ведущий международного клуба поэзии в Нью-Йорке. Редактор сетевого журнала поэзии «Интерпоэзия».

Я дышу вместе с лесом по мере движения крон.
Подступает дыхание с пяти окомных сторон.
Замолкает знакомый мне дятел.
Снег лежит до утра, до апреля, до мая, пока
не наступит пора
всем зайти на чаек
в мой просвеченный дом,
за вечерний порог.
И послушать со мной
хруст заросшего леса,
тихий скрип половиц.
Когда там никого —
тот язык, на котором молчит
душа места.

Затихает в долине рокочущий джип.
Патрулирует где-то невидимый МИГ.
Среди снега тут жил одинокий старик,
где на стыке дорог стоял дом-магазин,
а теперь — только снег.
Навсегда заколочено в доме окно.
Счет за свет и за газ просрочен давно
и в дверях не видать человека.

Здесь плывут облака ледяных островов,
исчезают снежинки не тающих слов,
и уходит на север дорога.
Постепенно останутся позади
люди, лодки, грибы и березы.
Будет дом мой стоять, как корабль на мели.
Чистый лист на столе, листопад на дворе,
вдох и выдох стиха на морозе.

Там мне нечего больше ни ждать, ни жалеть,
никого, ничего. Только ветер
бормотать будет необъяснимо.
Так останется остров в лесах — материк.
Там я сплю чудным сном у слияния рек,
и мне снится далекий закатный восток,
и сентябрь с легким привкусом дыма.

2009

Мы живем на закате. Садимся за ужин не тайный.
Рестораны открыты и очередь, полная веры,
наблюдает луну по пути на земное задание.
Тает в стынущем свете плывущий от берега берег.

За фигурой богини, парящей у кратера взрыва,
кратера пропадают в тумане наизготовку.
Мы живем на краю той земли у китового зева.
Полосатое звездное небо линяет на древке

безымянной свободы земли, оторвавшейся древле
от далеких фиордов; хранящей генетику хлада.
Это наша свобода заката и неба, и внемлет
мой герой и любовник для полного счета, когда

магазин закрывают до срока, и кашляет осень,
остывает харчо, «Самовар» погасает к рассвету.
На ушах — спит лапша от талдычащих авторов песен.
Но теперь никому не призвать тех, причастных, к ответу.

Да и что остается: пройти по бордвоку случайно,
подышать океанской, на счастье просыпанной, солью.
И тогда, по ночам, поначалу родное, отчаянье
превратится с годами в какую-то жизнь, но без боли.

Прогуляться в Европе по древнему городу праздно.
Горстку чуждых монет в фонтан зашвырнуть перед взлетом.
Или пройти к Блумингдэйлу на sale стороной безопасной
по проспектам, когда-то сожженным огнем артобстрела.

И привычно зажить по закону заморского кода,
по режиму химчистки и часа последнего трэйна.
Так уйдут в энтропию любви все последние годы.
Легкий троп озвучит мой путь в суете бесполезной.

Возвращаясь домой наконец, в долину Гудзона,
к арт-деко среди скал ледникового века,
знать, что жизнь, пролетев сквозь родную запретную зону,
оставляет в душе легкий тающий слепок.

2009

ЦВЕТКОВ Алексей

Родился в 1947 г. Поэт, прозаик, переводчик. Учился на историческом факультете и факультете журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова.

Был участником неофициальной поэтической группы «Московское время». Арестован и депортирован из Москвы (1975). Эмигрировал в 1975 г. в США. Окончил Мичиганский университет, доктор философии. Редактировал русскую газету в Сан-Франциско. С 1989 г. работает на радио «Свобода», редактор и ведущий программ «Седьмой континент» и «Атлантический дневник». Печатался в журналах «Континент», «Глагол», «Аполлон 77», «Эхо», «Время и мы», «22», «Третья волна», «Стрелец», «Часть речи», «Огонек», «Октябрь» и др.

АХЕЙСКАЯ ПЕСНЯ

я рос внутри троянского коня
играл в войну ходил к соседям в гости
хотя впотьмах сдирали кожу гвозди
и плотники сновали гомоня
мы даже выпив пели иногда
вполгорла за столом в натекшем воске
где сквозь неплотно пригнанные доски
заглядывала редкая звезда
там в небесах она жила одна
внизу была холодная война

звезду несло куда-нибудь за крит
там нивы целы и скоты рогаты
потом пришли из центра делегаты
с известием что наш проект закрыт
так я увидел город на горе
где афродита поднимала пену
багровую и саша любит лену

оружием холодным на коре
нет стороны которая права
конь юности разобран на дрова

здесь взгляд пристрастен сверху он верней
когда-нибудь и я взойду в светила
в зенит откуда столько лет следила
за мной звезда моих минувших дней
в зазор где мать как раньше молода
друзья поют вполголоса рябину
в холмах увижу прежнюю равнину
где обрекает ревность города
конь у стены как был и мы внутри
не исчезай за крит гори гори

* * *

пес на песке невысок как с реверса в трубу
тучи отчетливы плавленным оловом в форму
чуткие чайки сбиваются к ночи в гурьбу
к шторму

мнимый сеанс если фэйсом к буфету в фойе
самый в уме маринист айвазовского толка
скоро с порога мороз и орехи в фольге
елка

в памяти ветер которым до ребер продут
властвует налысо липы ноябрьские брея
пса позови на ночлег даже если продукт
бреда

буря притворна из воздуха выпущен газ
след в канители где елка погасшая стыла

елка была наяву это знание в нас
сила

с детством в прощальной коробке собой невесом
сквозь паутину куда ни пощада ни почта
полуисчезнувший с несуществующим псом
точка

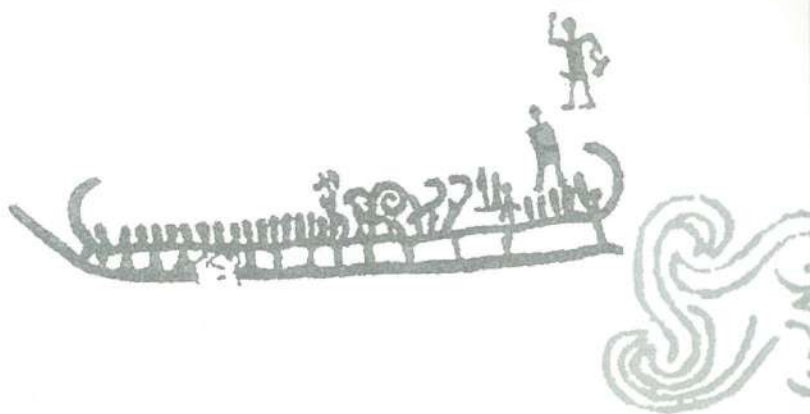
ДОМАШНЕЕ ЧТЕНИЕ

почти в младенчестве три ночи кряду
с фонариком листаешь илиаду
родительскую бдительность дразня
там близок зевс там полыхает грозно
копейная гекзаметрами бронза
и из-за баб ревнивая возня

или еще была другая книжка
от школьного евклида передышка
о несусветных подвигах войны
о мертвом камне выбранном посланцем
ступай мол друг и передай спартанцам
что вымерли не персы а они

так сладко в юности читать неправду
что дескать топал александр к евфрату
все ерунда герои и вожди
а старость слизь любая память тленна
и поделом когда бы не елена
не куковал бы в чердыни поди

а впрочем черт минует боль и лихо
все станет одинаково и тихо
жизнь к старости на случаи скупа
она бы век не ночевала в теле
когда бы не елена еле-еле
не яблоко не ксеркс и не судьба

КАБАНОВ Александр

УКРАИНА

Родился в 1968 г. Поэт. В 1992 году окончил факультет журналистики Киевского государственного университета им. Т.Г. Шевченко. Автор семи книг стихотворений. Многочисленные публикации в журналах «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Континент», «Дружба народов», «Зарубежные записки», «Арион», «Смена», «Радуга», «Сетевая поэзия», «Крещатик», «Интерпоэзия», «Новый Берег», «День и Ночь», «Стороны Света» и др. Лауреат международной литературной премии им. Великого князя Юрия Долгорукого (2005), премии журнала «Новый мир» (2005) и премии «Планета Поэта» им. Л.Н. Вышеславского (2008). Главный редактор журнала культурного сопротивления «ШО». Организатор Международного фестиваля поэзии «Киевские лавры». Член Национального Союза писателей Украины и Союза российских писателей. Стихи Александра Кабанова переведены на украинский и немецкий языки.

МОСТЫ

1

Лишенный глухоты и слепоты,
я шепотом выращивал мосты —
меж двух отчизн, которым я не нужен.
Поэзия — ордынский мой ярлык,
мой колокол, мой вырванный язык;
на чьей земле я буду обнаружен?
В какое поколение меня
швырнет литературная возня?
Да будет разум светел и спокоен.
Я изучаю смысл родимых сфер:
пусть зрение мое — в один Гомер,
пускай мой слух — всего в один Бетховен.

2

Слюною ласточки и чирканьем стрижа
над головой содержится душа
и следует за мною неотступно.
И сон тягуч, колхиден. И на зло
Мне простыня – галерное весло:
тяну к себе, осваиваю тупо.
С чужих хлебов и Родина – преступна;
над нею пешеходные мосты
врастают в землю с птичьей высоты!
Душа моя, тебе не хватит духа:
темным-темно, и музыка – взашей,
но в этом положении вещей
есть ностальгия зрения и слуха!

Ты налей мне в бумажный стаканчик,
медицинского спирта стишок.
Нас посадят в ночной балаганчик,
разотрут в золотой порошок.
Будет плакать губная гармошка
о тоскливом своем далеке...
Я наказан, как хлебная крошка,
в уголке твоих губ, в уголке...
Нам пригрезятся райские чащи,
запах яблок и гул кочевых,
видимо, ангелов. Низко летящих
в аэрофлотовских кучевых.
А затем — по второму. И в третьих —

я впервые тебя обниму.
И, возможно, у нас будут дети,
и меня похоронят в Крыму.
Отзвучат поминальные речи,
Выпьют горькой (по сто пятьдесят?)
И огромную, в мраморе, печень —
над могилой друзья водрузят!

Вот мы и встретились в самом начале
нашей разлуки: «здравствуй-прощай»...
Поезд, бумажный пакетик печали, —
самое время заваривать чай.
Сладок еще поцелуев трофейный
воздух, лишь самую малость горчит...
Слышишь, «люблю», — напевает купейный,
плачет плацкартный, а общий — молчит.
Мир, по наитию, свеж и прекрасен:
чайный пакетик, пеньковая нить...
Это мгновение, друг мой, согласен,
даже стоп-краном не остановить.
Не растворить полустанок в окошке,
не размешать карамельную муть,
зимние звезды, как хлебные крошки,
сонной рукой не смахнуть. Не смахнуть.

КОСТЕЛЬМАН Владимир

Родился в 1972 г. Поэт. Учился в Тюменском индустриальном институте, перевелся и окончил Днепропетровский металлургический институт. Автор трех поэтических сборников: «ТКЛА» (2005), «Мельник» (2007, ОГИ, Москва), «Первый ключ» (2009, Фолио, Харьков). Живет в Киеве.

МОСТ ПЕШЕХОДНЫЙ

Мост пешеходный, чем не дуралей? -,
Себе же сам фонариками машет.
Маши. Маши. Сколь света не пролей -
Он только твой, а тени - только наши.
Летит окурок. Крутится. Ну чем
Не акробат, пожарник или вертел? -
Крутись-вертись - и будешь для ночей,
Подобных этой, если и не твердью,
То чем-то вроде. А, вообрази
Что этот мостик - ... ну же, попытайся -
Еще твердей!, - и нежностью грызи
Его перила, руки, кисти, пальцы.

(Сплошные тумбы. Глупый островок.
Куда ведет он? Если же не глупый,
То бесполезный... даже для тревог.
И хладных волн, что выражены хлюпом -
А чем еще присутствовать в ночи? -
Неужто мной?... Увольте, я здесь лишний:
От мостика и волн неотличим,
И от себя... что тоже символично)

7-18 января 2009, Париж

К.

Вот с тех пор и молчим, как столкнулись тяжелые
сферы

Бормотания в кровь и смирения вне величин.

С той поры тишине велики небольшие размеры

Нашей речи непрочной. С тех пор и молчим.

Дрогнет чуткая смесь ваших медленных губ
горностая

С чем не помнится смесь. Неужели, с моей
ворожкой

Онемевшей, но так, чтобы в мертвые губы вращая

Звук стоял, и не только предслышимый. Значит
- любой.

Вытрав звонкую бровь на лице, безучастном
отныне,

Взяв поводья ресниц человеческой, теплой рукой

Верить нашему сну - этой участи нет и в помине,

Но другой мне не надо, а значит, что нет никакой.

23 мая 2009, Венеция

ДОЖДЬ. ПТИЦЫ

Дождь лепечет и грохочет и мычит

Прижимаясь к понедельнику спиной

Эти лужицы никто не отличит

Ходишь к Сене, а выходишь на Сенной

Там хозяйки покупают сельдерей,

Длинных кроликов, сметану и редис

Там приказывает лето: канарей,

Вымя теплое алеет у девиц.

Стонут лужицы, набившись синевой
Жизнь изменится, удастся и пройдет
А из хляби, что звенела тетивой
Вышел тетерев, присмотришься - удоб.

Дождь четырежды огромен по пути,
Весь сверкающий во влажной высоте....
Над Трухановым воробушек летит
И цепляется за шпиль над Сите.

27 мая 2007, Париж

ХЕРСОНСКИЙ Борис

Родился в 1950 г. Поэт. Окончил Одесский медицинский институт.

Участвовал в диссидентском движении. Сотрудничал в ряде эмигрантских изданий. Заведует кафедрой клинической психологии Одесского национального университета. Печатается с середины 80-х гг. Автор книг стихов, переводов, литературной эссеистики, а также переложения библейских текстов, собранных в «Книге хвалений» (1994) и сборнике «Поэзия на рубеже двух заветов. Псалмы и оды Соломона» (1996). Член редколлегии журнала «Крещатик» с 1998 г. Лауреат IV и V Международного конкурса имени М.Волошина, дипломант конкурсов «Сетевой Дюк», «Солнечный город», «Заблудившийся трамвай». Специальная внутрицеховая поэтическая премия «Московский счет» – 2 место (2007). Шорт-лист премии Андрея Белого. Стипендиат фонда им. Иосифа Бродского (2008), лауреат премии «Anthologia» (2008).

была бы площадь ратуша крепостная стена
сама по себе вокруг обустроилась бы страна
смертельно больна беспредельно заселена
раз в столетие войско по ней прокатится как волна

разобьется о стену и потечет назад
проснется народ выйдет в сгоревший сад
на черных стволах золотые плоды висят
и летят ангелочки похожие на розовых поросят

и перо гусиное в лапке обезьяньей ведет строку
призраки исчезают при слове кукареку
жарко-голодно юноше сыто-холодно старику

была бы страна площадь ратуша или собор
крепостная стена на худой конец дощатый забор
у ворот часовой стоящий вниз головой

в трактире в красной рубахе скучающий половой
самозванец гулял бы по границе с литвой

потому что в этой литве хорошо братве
там на медном кресте железный петух стоит в синеве
там голь-король хрен знает что у него в голове

была бы душа над ней обустроились бы небеса
полдень бы били часы каждые полчаса
под циферблатом ходил бы хоровод чертей и святых
мир бы лежал во зле хрипел а потом затих

Никогда не хотел ни в тайгу, ни в тыл к врагу,
ни под пяту к железному сапогу,
раньше мог улыбаться, теперь уже не могу.

Латы рыцаря даже в мечтаниях не примерял,
так, умноженья таблицу, закрыв глаза повторял.
Раньше носил при себе, теперь уже потерял.

Перед сном не летал в пустоте, не считал овец,
смотрел, как склонившись над книгой сидит отец.
В начале было слово, но это слово —»конец».

Весь конец всему, мечтаниям и уму,
свету, удачно рассеивавшему тьму,
раньше мог понять, теперь уже не пойму.

Конец фильма — белая надпись, черный экран
телевизора, эпоха сдана в спецхран.
Все течет, особенно неисправный кран.

А где-то шар военный в синем небе летит,
о женишке гадает девка – ранен или убит,
раньше Бог прощал, теперь уже не простит.

Это было, а я не хотел ни туда, ни сюда,
как жизнь, по капле вытекает из крана вода,
засыпая, Бог пересчитывает города.

И сосчитанный город гаснет, как будто –
воздушный налет,
объявлено затемнение, золотая труба поет,
история завершена и взята в кожаный переплет.

Руины империи немногим мрачней
чем сама империя. Трудно судить о ней
по прошествии лучших-худших-великих дней.

Состарились горы. Обмелела река,
затерялась в зарослях тростника,
из травы торчит бронзовая рука,

сжимающая скипетр или меч,
точно не скажешь, и не об этом речь.
Лучше остатки славы на потом приберечь.

Тогда откопают статую. Окажется, что она
на коня безногого водружена.
Под отсутствующими копытами отсутствующая
страна.

И начинает казаться, что ты вспоминаешь то,
чем люди жили-были, застегивали пальто,
кутали горло в кашне, выигрывали в лото,

шашки, шахматы, нарды, в каком-то дворе
гнилом,
где дом едва стоял, обреченный на слом,
а старики сидели за дощатым столом.

На вчерашней газете лежала дунайская сельдь.
Над миром сияла свежеевыкрашенная твердь.
Все думали, что это было, как оказалось –
смерть.

ЮРЧЕНКО Юрий**ФРАНЦИЯ**

Родился в 1955 г. в Одесской пересыльной тюрьме. Поэт, драматург, актер. Окончил Тбилисский театральный институт и Литературный институт им. А.М. Горького (1987). Работал актером в театрах Тбилиси, Владивостока, Хабаровска, Москвы. С 1979 года публиковался в журналах, альманахах и антологиях «Юность», «Огонек», «Театр», «Литературная учеба», «Литературная Грузия» и др. Издано семь книг стихов и пьес. В театрах России, стран СНГ, Франции, Германии поставлено восемь пьес. С 1992 года живет во Франции. Окончил аспирантуру в Сорбонне (русский поэтический театр). На Международном поэтическом турнире им. А.С. Пушкина (Лондон, 2004) был назван публикой королем поэтов. Лауреат Международного поэтического конкурса «Золотое перо» (Москва, 2006). Президент театральной ассоциации «Les Saisons Russes» (Франция).

ДОЧЕРИ

И защититься больше нечем
От всех обид и одиночеств,
Как сесть к огню в ненастный вечер,
Открыть «Египетские ночи»...

И были друзья – их мало.
И были враги – их много.
И рифма моя хромала,
На ту иль другую ногу...

И в этой неровной жизни
(то рыжая, то – брюнетка)
Не очень любил я ближних,
И дальним грубил нередко.

Любил — голубик-смородин
Таежную раннеспелость...
И был я почти свободен,
И пел, когда сердцу пелось.

ИЗ СТИХОВ ИОГАННА-ГЕОРГА ФАУСТА

1.

...Где слова мне украсть —
Описать — пока тает огарок —
Эту тайную власть
Пыльных сводов и сумрачных арок?..

...Мрамор... бронза... базальт...
«Фавн»... «Гермес усыпляет Дельфину»...
Дальний хор, детский альти:
«Арголида... Элида... Афины...»

...Там, в аркадских лесах,
И рвалось мое сердце, и — билось;
Там, с луной в волосах,
Ты — из света и тени — явилась...

И по всем городам
Ты прошла в подвенечном уборе —
До реки Эридан
И затем — до Тирренского моря...

Ветер бил в паруса —
И забыл я о родине зимней...
...Я бродил по лесам
И писал тебе оды и гимны...

...Но — пока повторял
Я их всем волооким Юнонам —
Я тебя потерял
Между Локрами и Вавилоном...

2.

...Ночь легла между нами межою...
(Ты всегда здесь была бы чужою...)

Нету места под этим нам небом...
(Я своим никогда здесь и не был...)

Попрощаемся на перекрестье —
Мы уходим отсюда не вместе...

И от этого не убережь нас —
Мы уходим: я — в пропасть, ты — в вечность...

.....

(...Но — останется комната эта...
И — когда-нибудь, после — поэты

Здесь найдут твои серьги и ленты...)
...Мы уходим отсюда — в легенду,

Где уже — ни разъять, ни рассечь нас...

...Я — Мгновенье, влюбленное в Вечность.

Родился в 1950 г. Поэт, эссеист, переводчик. В 70-е годы жил и работал в Ленинграде. В СССР не печатался. Эмигрировал в США в 1978 г. Работал в библиотеке Йельского университета (Нью-Хейвен), сотрудничая с эстонским поэтом и искусствоведам Алексисом Раннитом. В 1983 г. перебрался в Париж, где работал в еженедельнике «Русская мысль». В 1991-1997 гг. был личным секретарем Великого князя Владимира Кирилловича и его семьи, которую сопровождал во время более чем тридцати визитов по России, а также Грузии, Украине и европейским странам. С конца 70-х гг. стихи, рецензии, статьи и переводы широко печатались в эмигрантской периодике, а с 1989 года и на родине. В 1994 г. основал при петербургском издательстве «Лики России» литературно-историческую серию «Белый орел». Член Союза российских писателей. В настоящее время делит свою жизнь между Францией и Чехией.

ЗА ПЕТЕРБУРГ

За Петербург седой души
в колоннах и крестах,
за Мойки царственный изгиб,
кренящий в никуда,
и тосты влюбчивых друзей
под арками веков,
за пушкинско-чайковский взмыв
и ненавидящих его,
за слово стертое отцов
в заплеванном углу,
за взоры статуй голубых,
прореявших в закат,
и за расстрельные хлопки
в подвалах над Невой,

тот ветер, хлынувший на лоб
из-за, из-под моста,
за башлычок наследника и штык,
повернутый в груди,
за Ксении зеленый дом
в блаженных облаках
и гарь пречистых поездов,
отшедших в Ленинград,
за солнца наших юных снов
над корочкой небес
и лед любви, за колкий вздох
длиною в байку-жизнь,
за наш согласный шаг с тобой,
ласкающий гранит,
за Петербург седой души,
как чайку на плече,
пока я жив, пока я мертв
в когда и в никогда,
за стаю ангелов немых
в колоннах и крестах.

ПОСЛЕ ПРЕРВАННОГО МОЛЧАНИЯ

Муслиму Магомаеву

Когда-нибудь, в недвижный час, и мы... Не будем.
Но в этих песнях мы живем.
Живем и любим.

И пусть сто раз забудут нас все те... Забудем,
когда заветный звездопад
распорет будни

и ветер наших песен вдруг отхлынет в небо,
где не разминутся вовек,
кто был и не был.

Легла еще одна весна крылом на плечи,
и время временем сердца
томит и лечит,

а завтра грянут за вчера, и в них, как прежде,
цветком взалеют паруса
в морях надежды:

вновь с аргонавтами Орфей в рассвете тает,
и боги в нем с благих небес
души не чают.

И пусть забудут нас все те, пусть мы забудем,
когда безмолвный снегопад
сокроет будни, —

в неверный час в вечерний звон и мы отбудем
туда, где голос этот жив.
Где живы будем.

ЭТО КАК БУДТО

Грузия — это как будто ты уже
умер иль не рождался еще.
Колхидская холеная волна
ходит нагими ночами во мне.
О, Сакартвело, что нас привело

и уложило в рассветное море
и в бирюзовом гамаке между
гравюрными соснами под
проплывающей бережно
чайкой, что колется на две?
Что водит пса слепого, как
Гомера, безлюдными песками
в час разлук? И сдохнет ли
у пыльных стоп седого Одиссея?
Куда глядит весь день, как
бледный монолит, недвижная
корова черным взором?
В старом небе, нечаянно-
чающем, тот несказуемый
облачный бог, что водит
толстым пальцем Пиросмани.
И я целую праведное море
прощальными губами, как
дитя, которое не ведало доднесь
ни встреч, ни расставаний.
О, Сакартвело, что нас
увело из мира сопредельных
снов без сна и без оглядки?
И я гляжу в незнаемое море
с премудрою буренкой, не мигая.
Грузия – это как будто было,
что будет: ты еще умер
иль не рождался уже.

Июнь 2009

Родилась в 1951 г. Поэт, прозаик, переводчик. С конца 1994 г. живет в Швеции. Автор четырех поэтических сборников, повестей и рассказов. По прозе Риммы Марковой на Радио Россия сделаны радиоспектакли «Штольц» и «Черный викинг». Стихи переводились на шведский, иврит, английский. Печатается в журналах «Дружба народов», «Нева», «Крещатик», «Кольцо 'А'», «LiteraruS». Член Союза писателей России и международного ПЕН-клуба, представитель МФРП в Швеции.

Скорее, скорее в Колхиду,
как в греческом старом кино:
прикинувшись другом для виду
украсть Золотое руно.

Скорее в прекрасную Эю,
где правда похожа на сон.
Лихую колдунью Медею
увлек достославный Ясон.

Скорее Медея, скорее,
пока не хватился отец!
Отравишь крылатого змея –
с Ясоном пойдешь под венец.

Здесь крови немало прольется,
и слезы прольет кинозал.
А чем это нам отольется
Оракул еще не сказал.

Кто список кораблей читает по ночам?
Иные времена, иные развлечения.
Когда бессонница заваривает чай,
а завтра будний день, и нету сил для чтенья.

«О светлом помечтай, и сразу сон придет».
Ну да, уже бежит. А утром надо рано...
Плыву в мечтах как древний идиот
в Колхиду-Грузию на поиски барана.

Тяжелая волна баюкает меня
и тысячи других, алкающих покоя.
Пока он странствует погибнет вся родня,
и что ему тогда сиянье золотое?

Зачем ему тогда дурацкий этот мех,
блестящий, как медаль, облезлый, как собака —
на форум не надеть, он вызывает смех.
Звенит в ушах.
Часы.
Приснится же, однако.

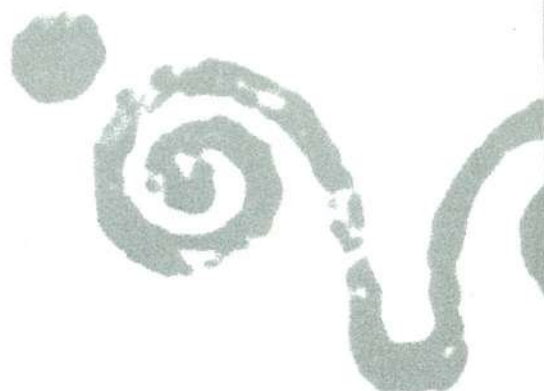
*«Где же еще Грузия другая?»
Анна Каландадзе*

Та Грузия, которую люблю,
была не мной открыта и воспета.
Тут изобилие древностей и блюд
всегда питало русского поэта.

Та Грузия, которую пою,
привычно русской ритмике внимает.
Так праведников чествуют в раю,
как в Сакартвело гостя принимают.

Издергана, изранена войной,
поет сама, беду преодолевая,
та Грузия, которая со мной.
Где же еще Грузия другая?

2009

КАНЕВА Олеся

ЭСТОНИЯ

Родилась в 1987 г. Поэт. Окончила Печорскую Академическую гимназию в 2004 г. с золотой медалью. В школьные годы публиковалась в городской газете и поэтическом сборнике, выпускаемом Гимназией искусств при главе Республики Коми. В старших классах сотрудничала с частной студией звукозаписи Сыктывкара, результатом чего явилась запись нескольких песен на авторские стихи. В 2007 г. получила диплом Евроуниверситета по специальности управление в сфере культуры. Работает над персональным веб-сайтом, созданием Интернет-проектов.

Я потеряла день вчерашний...
Уйдут на поиски года –
Мне от себя услышать страшно:
«Он не вернется никогда».

И я молчу, и лишь зависли,
Застыли в воздухе смолой,
Как поводырь слепого, мысли
Меня таскают за собой.

Так по углам пройдуся на ощупь,
И превращаясь телом в слух,
Одно услышу – только поступь:
Мечта выгуливает дух...

На поводке, к небесной башне,
Где Ангел мой, покинув Рай,
«Что ищешь, - спросит, - день вчерашний?
Я так и думал.... Забирай».

Вот и встретились. Так бывает –
Город маленький не развел.
Я – своя в лебединой стае,
Ты летаешь один – орел.

Я теперь, как мечтала – в белом,
Что с тобой не пришлось надеть.
Не испытывай взглядом смелым,
Не держи наготове сеть.

Что нам прошлое – вспомнить муки,
Приласкавшую душу плетъ?
Если крыльями стали руки,
Остается одно – лететь.

Не грусти, твой удел – свобода,
Лебединая верность – мой.
Убаюкают память годы...
Если только шагнул – не стой.

Дотронется осень до нашего сада,
Деревья, ко сну отойдя, почернеют.
И будет скрипеть временами ограда,
И будут скрываться фигуры за нею...

Придут на свидание к нашему саду
Не раз молодые и старые люди –
В печальном пейзаже для глаза отрадой
Их лица с улыбкой счастливою будут...

Ничто не заменит мне нашего сада,
Той осени прошлой, смущенной тобою,
Где в жарких словах испарялась прохлада,
А нам предстояло быть вместе зимою...

Но больше не будет у нашего сада
Билетов для нас на сезонное чудо —
Торжественный спуск до земли листопада,
Пропустим, в тоске оправдавшись простудой...

Скользнет за спиной не жестокая осень,
На цыпочках, в миг увернется от взгляда...
Она никогда... никогда не забросит
Без нас опустевшего старого сада...

В ПОИСКАХ ЗОЛОТОГО РУНА

Лито «Молот О.К.»

ГРУЗИЯ

Лито «Молот О.К.» (молодежное объединение литераторов обитающих в Тбилиси – о'кей) сложилось при тбилисском поэтическом журнале «АБГ» в 2005 г.

Помимо регулярной студийной работы объединение провело около двух десятков публичных мероприятий, в том числе презентации коллективных и персональных сборников, серию музыкально-поэтических акций «Форпост», вечера памяти Высоцкого, Бродского, Гумилева. Особо стоит отметить спектакль в стихах и песнях, написанный, поставленный и сыгранный самими студийцами на малой сцене Грибоедовского театра.

«Молот О.К.» издает одноименный коллективный сборник, серию персональных стихотворных книжек под грифом «Библиотечка «Молотка»», в 2007 г. осуществлен первый выпуск альманаха избранных стихов «Девять молодых поэтов Тбилиси».

Лито активно переводит грузинских поэтов. По результатам этой работы формируется антология современной грузинской поэзии, включающая более двадцати авторов.

В «Молот О.К.», как самостоятельная единица, входит рок-группа «Пилигримы», в составе пятерых авторов, пишущих, помимо песен, оригинальные стихи.

Одна из реализуемых задач объединения – привлечение к творческой работе молодых авторов, в том числе и школьников.

С учреждением в 2007 г. Союза «Ассоциация литераторов – АБГ» «Молот О.К.» вошел в нее в качестве коллективного члена.

АРМЕНЫЯН Сусанна

ПИАНИНО

В доме моем протекает крыша,
Там нет паркета и нет камина,
Зато в большой холодной комнате
Стоит покрытое черным лаком пианино.
По правде сказать – да, пианино,

но — наполовину.
Оно исцарапано и не настроено..
В каждой октаве свои до мажоры.
Болтаются, стонут, хрипят его молоточки.
Скрипит педаль, вдавленная до упора.
Зато на этом самом пианино,
Вот на этих клавишах цвета старой кости
Забывали бокалы, играли собачий вальс,
Подбирали «Yesterday» пьяные гости.
По этим клавишам можно вести летопись
Чернилами, замешанными на слезах и
алкоголе...

А как тут страдали два... нет, три поколения,
Отбывая срок в музыкальной школе!
Так вот, дорогие мои товарищи,
Скажу следующее, подводя итоги:
Сколько оно рассказало бы,
имей пианино язык...
Как далеко ушло бы, имей оно ноги...
Терпели мучения тут ни в чем не
повинные фуги,
Прелюдии, гаммы, этюды и сонатины...
А я постепенно училась держать прямо
спину.
И если духи предков живут в моем доме,
То главным образом, видимо, в этом
пианино.

ЛАМАР Марина

На лоне образцовых обещаний
Цвели мечты и бились, как стекло,
Давая мне понять, что значит зло,
А я в ответ лишь хлопала ушами.

Вокруг купцы и «новые» мещане,
Которым в чем-то больше повезло.
Метелью эти души замело
И завалило модными вещами.

На Гамлета вопрос отвечу «быть»,
Но где? и как? — уже другая песня.
Печаль свою мне надо разлюбить.

И если жизнь хотя бы подмигнет,
Я вырулю, добьюсь чего-то, честно.
Я знаю, как взлетает самолет.

ЛОБОВА Анна

В сетчатке отражается закат,
когда рассвет по-детски дышит в шею
ртом розовым и влажным,
и неважно,
куда скользят и почему светлеют
медлительно-немые облака —

громадные, пустые цеппелины,
и нет причины
для спешки и волнения, пока
кольцом свернулись на ладони сутки,
пока летит снежинками зола,
как выстрелом встревоженные утки
летят и оседают, возвратясь,
здесь, на излете мысли, слоем пепла,
скрывающим, доколе не окрепла,
значений новорожденную связь.

Ах, почему то, что надо, не вштыривает?
Ах, то, что вштыривает, - не надо.
Бутылка тонет, пробка выныривает,
письмо размокает. Досада.

А надо бы делать то, что вштыривает,
и станет тогда возможно:
айсберг тонет – кораблик выныривает,
кораблик тонет – моряк выныривает,
моряк – не тонет, ему все вштыривает
в мире его несложном.

ЛОСКУТОВ Дмитрий

Я отвыкаю от тебя, Кура.
Мне заполняют пропуски с лихвою
четыре комнаты и в них же три стола:
два – для работы, третий – для запоя.

И я лысею, как твоя гора
Безвольно отступает перед прогрессом –
три ресторана, две парковки, кран –
Густеет арматурное полесье.

Рыбак в ботфортах, как моя душа,
На ивовый кулан насадит слезы
Твои, Кура, ты плачешь не спеша.
К другому берегу меня теченьем сносит.

Болтаюсь на поверхности, как шар,
Надутый чьим-то любящим дыханьем.
Вот только приспускают кореша,
На перекатах донкою стихаю.

А мне бы в прошлое закинуться блесной,
Цепляться за плывущий сор и рваться...
В мазаевскую лодку (сам не свой)
Уставшим от билетов наглым зайцем.

ЛЯШЕНКО Михаил
(руководитель лито)

Словно образы Генриха Белля,
отразились на темной стене
эти отблески тающей боли,
эти блески в холодном вине,
эти беглые юркие мысли
и двусмысленности двойников,
эти помыслы, домыслы, смыслы,
эти долгие сонмы веков,

эти словно лиловые выси,
эти словно чужие слова,
эти свинки морские и крысы,
эти мыши, что дразнят слона,
истерички, позерки, актрисы,
операторы и журналисты,
этот воздух отчаянно-мглистый,
эти грохоты, трески и свисты
и ваще, на те вот, вот те на...

Крапленный крен, крепленный вермут,
все неопознано и верно,
все вертикали по местам.
Открой запасную каверну.
Ненастный воздух сух в Палермо,
а боцман всех наверх свистал.

ХРАМ КРЕСТА

*Парит обитель Мцыри – Джвари.
Б.Пастернак*

Грубый камень на глазах
невесомость обретает
и парит, и в твердь врастает,
все окрест крестом связав.
Бьется мутная вода,
негодует и картавит,
и ворочает базальт –
где-то снег осенний тает.

Встала первая звезда
на небесной сизой стали.
Вечереет. Файв-о-клок.
Облака наивный клок
задержался в чаще веток,
схоронив себя от ветра.
Тянет сумраком восток.
Ждет в саду накрытый стол.
Ждет история ответа.
Ждет наследников престол,
мы – вина, а осень – лета.
Где-то здесь сидел на троне
царь, что Грузию крестил.
Камень розовый остыл
и застыл, как на ладони.
Камень знает. Камень помнит.
Ждет Крестовый монастырь
в расстоянии руки
по ту сторону реки,
по ту сторону свободы,
жизни, смерти и природы.

Село Карсани

все умерли
а дождь еще живет
власть отвратительна
любовь еще быть может
свет по глазам мороз по коже
не гоже батенька не гоже
и за ближайший поворот

МЕЗУРНИШВИЛИ Давид

Благо, дорога длинна,
Благо, место с шофером свободно.
Не спеша, инстинктивно тянет спешить туда,
Где меня ждут. Я, в принципе, спокоен,
Но не хочу пугать, я не хочу хотеть,
В конце концов, уж как придется,
Мне по лицу щекой на свет
Прикрыться жидкой тенью и бежать,
Закрыться где-нибудь и спать без всяких снов,
Чтобы не знать всех этих
И забыть про тех, которых я любил потрогать.
Об этом невозможно говорить с людьми.
Между хрустальной вазой
И стаканом молока есть все, что нужно;
Есть то, что в руки не дается.
Глаз этот микроклимат знает,
Глаз – то прекрасное устройство,
Что знает ту, которая все ждет
Чужих экспромтов, ту, что, к счастью, не
подозревает,
Насколько она хороша...
Мне с этой наготой нельзя
В дверной проем, нельзя и в лифт,
С ней можно лишь в окно.

МЧЕДЛИШВИЛИ Олег

Спасаясь от погони. Слишком рано,
Наверное, прочертит путь мой грешный
На лицах брошенных людей тиран коварный,
Тиран, что в комнате пустой грозит нездешним.
Скрипят колеса – то ли быль, а то ли небыль...
Спасенные прощают плетъ и гвозди,
Но только вышел, как еще одна завеса,
А мне казалось, что у предков было проще...
Какое там... И это вдохновляет,
И это, как народ далеких песен.
Спектакль кончился, рабочий поволок
Березки стройные туда – в свой край чудесный.
Я вслед ему смотрю и постигаю мир,
В котором прадед, от резни семью спасая,
Бежал, как я – из Тегерана в Армавир.

ПЛЕННИНГ Ада

«...Время... боготворит язык...»

У.Х.Оден

Время боготворит язык –
– его память. Это четки,
куда нанизывает жизнь
секунды, часы ожидания за решеткой...
Напряжение тишины
В прерванном ритме чечетки.
Раздумье в зале суда, на скамье,
За книгой, в шкуре своей и вне...

Мысль, что пульсирует и живет во мне
Не выдаст нам слов (глагола)....
.....слезинки на кустах роз
скатываются по листве....
блеянье ягнят, жужжание ос...
станет медом в ответ ...

СПОРЫШЕВ Дмитрий

С ума сойти и отойти
мне в сторонку
подобно ворону кружиться над собой
найти себя не поддаваясь гомону
пугливых шорохов ночи.

Дождя 100 капель
на лице небритом.
Ты спишь как побитый
приятель
в безумном ритме.

Люди на крыше
мир ощущали
починяя антенну.
Звезды как вишни
визжали
подражая знакомому тенору.

Тебя я не бросил
просто ход удач и невзгод
был задержан движением весел:
доплыву до тебя через год...

Дождя сто капель
на лице небритом.
Ты спишь как убитый
Авель
в тихом ритме.

ЧЕРНЯЕВА Елена
(куратор лито)

Вся Испания может вместиться сегодня в рассвет,
как огонь поместился в экранчик ручной
телефона,
как монетка вмещает насмешку железную над
оголтелым банкиром и нищим без рода и дома.
И забывчивый дрозд, переждавший в ветвях
непогоду,
это тот же рассвет. И какая нам разница, где
возникает извечный огонь, если падают хрупкие
звенья природы
и тасуется жизнь, и срастаются в память круги на
воде.

Позднестояние возле дверей,
праздношатание в полночь колес,

завтра, я знаю, очнемся белей
белого снега, чернее, чем кость
самого старого

из фараонов...

Жизнь – вне закона.

Переплыть, перебраться,
переждать, пережить,
задохнуться, распасться,
разомкнуть, разлюбить.
Разлюбить? В этом море
полумер, полудел
только ты и – безмолвие
не имеют предела.

Куда ты? С орхидеями в кармане,
по грязным улицам, где вечные раскопки
канализационных труб.
Там «Мерседес», здесь – «Опель» или «Хонда».
И туповатый взгляд бродяги с полным
мешком бутылок – Санта Клаус, ты ли?
«Стой, кто идет!», – прикрикнут на границе.
Воде из крана, слава Богу, литься,
еще не все потеряно, в дорогу
собираются последние стрижи.
Еще не все забыто, мостовые
не вымощены заново, хотя,
нас помнят, но детей – забыть хотят.
И город вечно от людей в отрыве:

то жмет вперед, то падает – назад.
И осень... да, и – осень, будто сука,
враз потерявшая слепых кутят:
то взвояет, бросится за поворот, то руку
шершаво лижет, просит все вернуть назад.
А ты все – с орхидеями в кармане...
А ты все хочешь, чтобы жизнь – со смыслом.
Помнешь ведь, жалко будет всем, ей Богу!

ЭИБОВ Игорь

Усталости сверчок, декабрь,
ненужный допит день.
Пыл голосов, громоздкость декораций.
Есть многое на свете, друг Горацио,
что на чужой плетень
наводит тень.

Янтарная луна
подкрасит цвет вина,
вины в ней нет,
вина отпущена на волю
совсем одна – конем скакать по полю
в каком-то пьяном сне.

О, утро, – вишенка,
все вышито любовью,
белесая травы щека
слегка поводит бровью.

Рука.
Стоп-кран.
Усталости сверчок.

В ПОИСКАХ ЗОЛОТОГО РУНА

ЭХО ФЕСТИВАЛЯ

Опыт истории показывает, что взаимодействие культур способствует взаимопониманию и, в определенной степени, сближению народов – но никак не взаимодействие краткосрочных политических лидеров, в галстуках они или без галстуков. Рамки национальной культуры защищают народ от агрессивной ассимиляции, и лишь ненавязчивая, добровольная демонстрация культурных ценностей ведет к взаимопониманию между народами, прежде всего, пограничными. Для этого, как правило, недостаточно благого желая деятелей культуры – нужна политическая воля правителей. Третий международный русско-грузинский поэтический фестиваль поставил перед участниками, организаторами и широкой грузинской публикой немало вопросов, обостренных прошлогодней войной и последовавшими за ней событиями. Самый, пожалуй, существенный из этих вопросов – следует ли теперь изучать русский язык в государственных школах? Быть может, правы опытные британцы, утверждающие, что тем лучше отношения между соседями, чем выше забор между их участками? Два века культурного взаимодействия между богатейшими культурами Грузии и России оказали существеннейшее влияние на отношение грузин к русскому языку – невозможно было представить себе грузинского интеллигента, не владеющего свободно языком Пушкина.

Давид Маркиш

«МЫ ЦЕЛЫЙ ГОД НЕ ВИДЕЛИ РУССКИХ»
«ЕВРЕЙСКОЕ СЛОВО», № 23 (441), 2009

Это был царский прием, как и надо принимать поэтов: праздник стихов на порывистом морском ветру или под мягкий гул кондиционеров в конференц-зале, поездки на заповедно-завороженное озеро Палиасти или в древний город-крепость Археополис, встречи с читателями, личные знакомства с известными авторами, новые дружбы, поздние застолья, музыка, раздумчивые беседы и даже горячие споры для любителей этого жанра, часы блаженного отдохновения и поэтических марафонов и море, море, море...

Я был счастлив, сознательно и ежечасно, каким-то очень простым и осязаемым, почти ручным счастьем, «примитивным», как у гениального Пиросмани, ибо душа, как заметил всеславный Игорь Северянин, влечется в Примитив...

... В те черноморские дни в античной Колхиде мы были аргонавтами, поднявшимися на легендарный борт «Арго», чтобы лететь по воле светлых волн Эвксинского понта вслед за божественным и всеоборяющим гласом Орфея...

Александр Радашкевич

«ГРУЗИНСКИЕ ЗАМЕТКИ»
«СИБИРСКИЕ ОГНИ» 2009, №9

Мы гостили в Грузии. Мы понимали друг друга с полуслова. Мы прилетели в Колхиду не так, как древнегреческие дерзкие мужи некогда приплыли сюда за Золотым руном... И не вели себя здесь как античные герои или антигерои. Но Золотое руно нашли.

И каждый увез его частичку с собой, наматывая на пальцы трепет живых золотых ворсинок как ощущение взаимного тепла, ментального покоя и личной гармонии внутри себя.

Елена Зейферт

«ГРУЗИЯ И РОССИЯ БЕЗ ГРУСТИ»

НГ EX LIBRIS, 2009

Дорогой Николай Николаевич, дорогие организаторы, члены «Русского клуба» и благотворительного фонда «Карту»! Вам удалось создать потрясающий по силе и размаху Международный русско-грузинский поэтический фестиваль, благословленный Патриархами Грузии и России, призванный жить, действовать и в непростых мирских условиях быть примером духовного единения творческих людей планеты. Всей сутью своей он направлен к Свету, потому что основан людьми духовными и православными, верящими в победу добра... Этот фестиваль, пышный, торжественный, пламенный, вызывающий к согласию людей, проявляет себя через самое не приземленное в мире – поэтическое слово. Я счастлива причислить себя к участникам форума. Благодарю вас за предоставленную уникальную возможность побывать на щедрой и гостеприимной грузинской земле, среди прекрасных и уважаемых поэтов; за ваш высокий профессионализм; за бережное отношение к русской и грузинской культурам, к поэзии и ее служителям; за теплоту встреч и комфорт; за красоту и разнообразие фестивальной программы; за возможность прикоснуться к морской стихии и древности вашей земли – Археополису, ощутить магическую силу грузинских песен и танцев, повстречаться с талантливейшей, потрясающе обаятельной певицей Ирмой Сохадзе... Вы – хранители мира и гармонии. Дай Бог всем вам здоровья и счастья!

Валентина Поликанина

Дорогие все-все-все! Все, кто принимал участие в организации фестиваля! Спасибо огромное за девять дней счастья, стихов, моря и, главное, – Грузии.

Было много чудесного общения, спасибо. Был момент истины: когда 22 июня мы вместе целый вечер, переходящий в ночь, слушали песни Великой Отечественной войны и песни Высоцкого в исполнении грузинских артистов и подпевали хором. Очень чистый и пронзительный момент жизни.

С любовью и благодарностью,

Наталия Соколовская

СОДЕРЖАНИЕ

АРМЕНИЯ

ШУБАЕВА-ПЕТРОСЯН ЕЛЕНА.....	8
-----------------------------	---

БЕЛОРУССИЯ

ПОЛИКАНИНА ВАЛЕНТИНА.....	11
---------------------------	----

БОЛГАРИЯ

БОРИСОВ ГЕОРГИ.....	15
ПОПОВА НАДЯ.....	20

ГЕРМАНИЯ

ВЕБЕР ВАЛЬДЕМАР.....	25
----------------------	----

ГОЛЛАНДИЯ

ТАРХАН-МОУРАВИ НИНА.....	29
--------------------------	----

ГРУЗИЯ

АЛХАЗИШВИЛИ ГИВИ.....	32
ГОМЕЛАУРИ НИКО.....	36
ГОНАШВИЛИ МАКВАЛА.....	40
ДАРЧИАШВИЛИ АЛИК.....	49
ДЖОРДЖАНЕЛИ НИКА.....	52
ИАТАШВИЛИ ШОТА.....	59
КЕБУРИЯ ГУГУЛИ.....	70
КУБАНЕИШВИЛИ КОТЭ.....	74
СТУРУА ЛИЯ.....	77

ДАНИЯ

ЛИТВИНОВА НАТАЛИЯ.....	82
------------------------	----

ИЗРАИЛЬ

МАРКИШ ДАВИД.....	86
-------------------	----

ИТАЛИЯ

АЛЛЕВА АННЕЛИЗА.....	92
ПЕТРОВА АЛЕКСАНДРА.....	95

КАЗАХСТАН

ЗЕЙФЕРТ ЕЛЕНА.....	98
--------------------	----

ЛИТВА

КОБРИН ЮРИЙ.....	102
------------------	-----

РОССИЯ

АМЕЛИН МАКСИМ.....	106
ВАСИЛЕВСКИЙ АНДРЕЙ	109
ЕРМАКОВА ИРИНА	111
ЗОЛОТАРЕВА АННА.....	114
ИВАНОВА-ВЕРХОВСКАЯ ЕЛЕНА.....	117
ИСАЕВА ЕЛЕНА.....	120
КВИЖИНАДЗЕ ЗАУР	123
КЛИМОВА ГАЛИНА	125
НАДЕЕВ СЕРГЕЙ	128
ПУРИН АЛЕКСЕЙ	130
СОКОЛОВСКАЯ НАТАЛИЯ	133
ШУЛЬПЯКОВ ГЛЕБ	136

США

ГРИЦМАН АНДРЕЙ	138
ЦВЕТКОВ АЛЕКСЕЙ.....	142

УКРАИНА

КАБАНОВ АЛЕКСАНДР	146
КОСТЕЛЬМАН ВЛАДИМИР	149
ХЕРСОНСКИЙ БОРИС	152

ФРАНЦИЯ

ЮРЧЕНКО ЮРИЙ.....	156
-------------------	-----

ЧЕХИЯ-ФРАНЦИЯ

РАДАШКЕВИЧ АЛЕКСАНДР	159
----------------------------	-----

ШВЕЦИЯ

МАРКОВА РИММА	163
---------------------	-----

ЭСТОНИЯ

КАНЕВА ОЛЕСЯ.....	166
-------------------	-----

ЛИТО «МОЛОТ О.К.» (ГРУЗИЯ)	170
----------------------------------	-----

ПРИ ПОДДЕРЖКЕ

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД «**КАРТУ**»

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОВЕТ РОССИЙСКИХ
СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ

СОЮЗ ГРУЗИН В
РОССИИ

ФОНД РУССКИЙ МИР

ФОНД РУССКИЙ МИР

МЕЖДУНАРОДНАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

КОМПАНИЯ АЛКОГОЛЬНЫХ
НАПИТКОВ АЛАВЕРДИ

АССОЦИАЦИЯ ГРУЗИНО-РОССИЙСКИХ
ВЗАИМОСВЯЗЕЙ АДЖАРИИ

АО «ДАВИД САРАДЖИШВИЛИ»

КОМПАНИЯ «КАЗБЕГИ»

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОЮЗ
РУССКОЕ ОБЩЕСТВО
«СООТЕЧЕСТВЕННИКИ»
КУТАИСИ

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОДДЕРЖКА

РУССКИЙ КЛУБ

**АРГУМЕНТЫ
И ФАКТЫ**

**РМ
А**
НОВОСТИ

КОМСОМЛЬСКАЯ
ПРАВДА!

СВОБОДНАЯ
Грузия

ТЕАТРЕНДЕНЕ
107.7 FM

**ИТАР
ТАСС**

Вестник Тбилиси

საქართველოს
საგარეო საზღვარების
დაცვის სამსახური
**საგარეო საზღვარების
დაცვის სამსახური**
WWW.ASAVALL.GE

(24) საგარეო

ВГТРК

ИЗДАТЕЛЬ

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»**

*Издание осуществлено при поддержке
Благотворительного фонда «КАРТУ»*

Руководитель проекта **НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ**

Составители **А.Деняга, А.Еремян**

Над книгой работали:

Н. Зардалишвили, А.Сватиков, Н. Цитланадзе

Технический редактор **Д.Абуладзе**

Художник-дизайнер **И.Кипиани**

Компьютерная верстка **Д.Элбакидзе-Мачавариани**

